

Януш Корчак



КОРОЛЬ
МАТИУШ ПЕРВЫЙ
●
КОРОЛЬ МАТИУШ
НА НЕОБИТАЕМОМ
ОСТРОВЕ



Золотая классика – детям!

Януш Корчак

**Король Матиуш Первый. Король
Матиуш на необитаемом острове**

«Издательство АСТ»

1923

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

Корчак Я.

Король Матиуш Первый. Король Матиуш на необитаемом острове / Я. Корчак — «Издательство АСТ», 1923 — (Золотая классика — детям!)

ISBN 978-5-17-151764-9

Януш Корчак (1878–1942) – польский врач, педагог, писатель. Две повести про мальчика-короля он написал вскоре после Первой мировой войны, отголоски которой явственно слышны в военных сценах произведений. Матиуш становится королем в 10 лет, и никто не собирается помогать ему в его несвоевременном и непосильном труде. Но Матиуш быстро учится, и ему приходит в голову интересная мысль: дети тоже заслуживают справедливого отношения и свободы. Не все получилось так, как задумал Матиуш, но многие его идеи в XXI веке стали основополагающими в гуманистической педагогике. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-151764-9

© Корчак Я., 1923
© Издательство АСТ, 1923

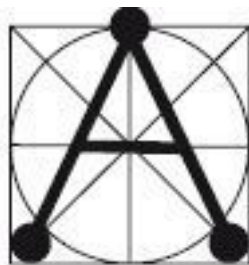
Содержание

Король Матиуш Первый	7
Конец ознакомительного фрагмента.	62



Януш Корчак
Король Матиуш Первый. Король Матиуш
на необитаемом острове [повести]

Перевод с польского Н.Я. Подольской



© Перевод. Н.Я. Подольская, насл., 2022

© Рисунок на обложке, Митрофанов М. С., 2022

© ООО «Издательство Астрель», 2022

Король Матиуш Первый

1

Дело было так:

– Если через три дня королю не станет лучше, можно всего ожидать, – сказал доктор. – Король тяжело болен, и если через три дня состояние его не улучшится, можно всего... всего ожидать, – повторил он.

Все опечалились, а главный министр, нацепив на нос очки, спросил:

– Что значит «можно всего ожидать»?

Доктор ничего более определенного не сказал, но все и так поняли: значит, король умрет. Главный министр переполошился и созвал государственный совет.

Министры собрались в просторном аудиенц-зале и расселись в мягких креслах вокруг большого стола. Перед каждым лежал лист бумаги и два карандаша: один – простой, второй – с одного конца красный, с другого синий. А перед главным министром стоял еще и колокольчик.

Дверь заперли на ключ, чтобы никто не мешал. Зажгли свет и долго сидели молча. Наконец главный министр позвонил в колокольчик и сказал:

– Давайте посоветуемся, как быть. Король болен и управлять государством не может.

Первым взял слово министр военный:

– Надо позвать доктора. Пусть скажет прямо: вылечит он короля или нет?

Военного министра все боялись: он носил саблю и пистолет. Поэтому ему никто не прекословил.

– Правильно, позвать сюда доктора! – единодушно согласились министры.

Послали за доктором, но он не мог прийти, так как ставил королю двадцать четыре банки.

– Ну что ж, в таком случае придется подождать, – сказал главный министр. – А пока давайте обсудим, что делать, если король умрет.

– По закону, – заговорил министр юстиции, – престол переходит к его старшему сыну. Потому он и называется наследником престола. Итак, если король умрет, на трон вступит его старший сын и наследник.

– Но у нашего короля один сын.

– Этого вполне достаточно.

– Ведь Матиуш еще совсем ребенок! Вот так король, даже писать не умеет!

– Закон есть закон, – изрек министр юстиции. – Такие случаи в истории известны. В Испании, Бельгии и некоторых других государствах бывало, что престол занимал малолетний монарх.

– Да, да, – поддакнул министр почт и телеграфа, – я даже марки видел с изображением короля-ребенка.

– Помилуйте, господа, ведь это абсурд! Король, который не умеет ни читать, ни писать, не знает ни географии, ни грамматики!.. – возмутился министр просвещения.

– Я разделяю мнение уважаемого коллеги, – сказал государственный казначей. – Как же он будет проверять счета или отдавать распоряжения, сколько чеканить новых денег, не зная таблицы умножения?

– Это еще полбеды, господа! – вмешался военный министр. – Короля-мальчишку никто слушаться не будет. Разве он справится с генералами и солдатами?

– Дело не только в солдатах, – мрачно сказал обер-полицмейстер, – его вообще никто не будет бояться. Начнутся беспорядки и бунты. Если Матиуша провозгласят королем, я слагаю с себя всякую ответственность.

– Об этом в законе ничего не сказано. – Министр юстиции побагровел от злости. – Повторяю: по закону после смерти короля престол переходит к его сыну.

– Но ведь Матиуш еще совсем маленький! – хором воскликнули министры.

Атмосфера накалялась; казалось, вот-вот разразится скандал, но тут двери широко распахнулись, и в зал вступил иноземный посол.

Министры оторопели: как чужестранец проник в запертый на ключ зал? Вот чудеса! Однако, как выяснилось потом, ничего таинственного в этом не было. Просто, когда ходили за доктором, забыли запереть дверь. Но по дворцу поползли зловещие слухи об измене: дескать, министр юстиции нарочно приказал оставить дверь открытой, потому что заранее знал о приходе знатного иностранца.

– Добрый вечер! – Посол раскланялся. – Именем моего августейшего повелителя и государя имею честь сообщить: если вы не провозгласите Матиуша королем, мы объявим вам войну.

У канцлера (то есть главного министра) душа ушла в пятки, но он с невозмутимым видом взял лежащий перед ним листок бумаги и написал синим карандашом: «Хорошо, пусть будет война», – и протянул записку иностранному послу.

– Я доложу об этом своему монарху! – важно сказал посол и с поклоном удалился.

Тут в зал вошел доктор, и министры стали его умолять во что бы то ни стало спасти короля. Ведь смерть короля означала теперь войну и бедствия.

– Я уже перепробовал все лекарства, какие знал. Даже банки ставил... Я бессилён помочь королю. Но можно пригласить других докторов.

Как утопающий за соломинку, ухватились министры за этот совет. Любой ценой короля надо спасти! Тотчас из королевского гаража в разные концы города помчались автомобили за медицинскими светилами. А проголодавшиеся министры тем временем велели королевскому повару подать им ужин. Они ведь не знали заранее, сколько пробудут во дворце, и потому не пообедали дома.

Дворцовые лакеи расставили на столе серебряные блюда с изысканными кушаньями, бутылки с самыми лучшими винами. Повар из кожи вон лез, стараясь угодить министрам: он боялся, как бы после смерти короля его не прогнали из дворца.

Министры как ни в чем не бывало пьют, едят, оживленно беседуют, а рядом в зале собрались врачи.

– Королю необходимо сделать операцию, – решительно заявил один старый бородач.

– А я думаю, – возразил другой доктор, – ему помогут припарки.

– Порошки – вот единственное средство, которое спасет короля! – изрек знаменитый профессор.

– А может, капли? – робко вставил какой-то безвестный лекарь.

Каждый врач привез с собой толстенную книгу, и в каждой книге по-разному написано, как лечить такую болезнь.

Время шло. Министры клевали носами. Но хочешь не хочешь, а надо ждать, что скажут доктора.

Переполох, поднявшийся в ту ночь во дворце, разбудил Матиуша, маленького наследника престола.

«Пойду посмотрю, что там за шум», – подумал Матиуш и, соскочив с постели, наскоро оделся и выскользнул в коридор.

Перед дверью столовой он остановился – вовсе не для того, чтобы подслушивать, просто не мог дотянуться до ручки и открыть дверь. И вот что он услышал...

– Вино в королевских подвалах отменное! – раздался громкий голос казначея. – Выпьем-ка, друзья, еще по одной! Матиушу, если он будет королем, вино ни к чему – ведь детям пить не полагается.

– И сигар дети тоже не курят! – закричал министр торговли. – Предлагаю по этому случаю прихватить немного сигар с собой!

– Вот увидите, господа, если будет война, от этого дворца камня на камне не останется. Смешно думать, будто страну сумеет защитить маленький мальчик.

– За здоровье нашего защитника, его величества короля Матиуша Первого! – послышались пьяные крики и хохот.

Спросонья Матиуш не мог сообразить, о чем это они толкуют. Он знал, что из-за болезни отца министры часто теперь совещаются во дворце. Но почему они над ним, над Матиушем, смеются? Почему называют его королем? И о какой войне идет речь?

Полусонный, испуганный Матиуш побрел дальше по коридору и услышал из-за другой двери:

– А я утверждаю: король непременно умрет. Никакие порошки и микстуры ему не помогут.

– Голову даю на отсечение: король не протянет больше недели.

Мальчик не дослушал. Опрометью бросился он бежать по коридору, пересек два просторных покоя и, запыхавшись, влетел в королевскую опочивальню.

Король-отец, очень бледный, лежал на кровати и часто-часто дышал. Возле него сидел добрый старый доктор, который лечил и Матиуша, когда тот болел.

– Папочка! Папочка! – заливаясь слезами, закричал Матиуш. – Я не хочу, чтобы ты умер!

Король приоткрыл глаза и устремил скорбный взгляд на сына.

– Я тоже не хочу умирать, – прошептал он. – Не хочу оставлять тебя одного на белом свете.

Доктор взял Матиуша на колени. Они просидели так довольно долго, не проронив ни слова.

И в памяти Матиуша всплыла такая картина: он сидит на коленях у отца, а на кровати лежит мама – бледная как полотно и часто-часто дышит. «Значит, папа тоже умрет», – подумал Матиуш.

У мальчика сердце сжалось от горя. И одновременно вспыхнули гнев и обида на министров: как они смеют смеяться над ним и над его умирающим отцом!

«Я им покажу, когда стану королем!» – пронеслось у него в голове.

2

Похороны устроили очень пышные. Фонари были обернуты черным крепом, звонили во все колокола, оркестр играл траурный марш. По улицам двигались пушки, маршировали солдаты. Благоухали цветы, за большие деньги выписанные из жарких стран. Народ оплакивал кончину любимого монарха. Газеты сообщали о тяжелой утрате, постигшей страну.

Пригорюнившись, сидел Матиуш в детской. Предстоящая коронация его ничуть не радовала: ведь у него умер отец и он теперь круглый сирота.

Мальчик вспомнил маму – это она выбрала ему такое имя: Матиуш. Мама нисколько не кичилась своим королевским саном. Она играла с ним, строила дома из кубиков, рассказывала дивные сказки, они смотрели вместе книжки с картинками. С отцом Матиуш виделся реже – у него, как у всех королей, было дел по горло: то военные парады, то визиты иностранных королей, то сам он ездил за границу, а потом – бесконечные совещания, заседания, советы.

Но и отец, бывало, выкраивал для сына свободную минуту. Играл с ним в кегли, а то сядет верхом на лошадь, Матиуша на пони посадит, и они отправляются кататься по длинным аллеям дворцового парка. А теперь что? Неотступно, как тень, следует за ним гувернер-иностранец с такой кислой физиономией, будто только что выпил стакан уксуса. Да и вообще, разве быть королем так уж приятно? Пожалуй, нет. Вот если бы война, тогда другое дело, сражаться можно. А так...

Грустно сидеть одному в комнате, грустно смотреть, как за дворцовой оградой резвятся на свободе дети.

Ребят было семеро, и чаще всего они играли в войну. Верховодил веселый коренастый паренек, которого звали Фелеком. Он водил своих товарищей в атаку, муштровал их.

Сколько раз подмывало Матиуша окликнуть его и поболтать с ним хоть через решетку. Но подобает ли так поступать королю, он не знал. А потом, с чего начать разговор, что сказать ему?

По городу расклеили огромные афиши, которые гласили: Матиуш вступил на трон и приветствует своих подданных, министры остаются прежние и будут помогать малолетнему королю управлять государством.

В витринах магазинов выставили фотографии Матиуша: Матиуш верхом на пони, Матиуш в матроске, Матиуш в военном мундире, Матиуш на параде. Показывали Матиуша и в кино. Страницы иллюстрированных журналов в стране и за рубежом тоже пестрели изображениями Матиуша.

Его все любили. Взрослые жалели, потому что он сирота. Мальчишкам льстило, что все слушаются их сверстника: даже генералы стоят перед ним навытяжку, а солдаты делают на караул. Девчонки, те по уши влюбились в миловидного маленького короля, снятого верхом на пони. Но больше всего любили его приютские дети.

Еще при жизни королевы в приюты по большим праздникам посылались гостинцы. После ее смерти король приказал сохранить этот обычай. И теперь без ведома Матиуша дети продолжали получать к праздникам сладости и игрушки. Лишь много позже Матиуш понял: если в бюджете есть соответствующая статья, можно сделать людям много добра. А вот если нет такой статьи, пиши пропало.

Примерно через полгода после вступления Матиуша на трон популярность его, благодаря одному случаю, возросла еще больше. Имя его было на устах у всех горожан. Всем пришелся по душе поступок юного монарха.

А случилось вот что.

Матиуш долго приставал к старому доктору, чтобы тот разрешил ему гулять по городу. «Хоть раз в неделю отпускайте меня в городской сад, где играют обыкновенные дети. В королевском парке очень хорошо, но даже в самом расчудесном месте одному неинтересно и скучно», – убеждал его Матиуш.

Наконец доктор сдался и обратился к гофмейстеру с просьбой разрешить Матиушу три прогулки по городу с промежутком в две недели. Гофмейстер обратился в главное дворцовое управление, главное дворцовое управление ходатайствовало перед регентом о созыве совета министров, чтобы изложить просьбу короля.

Чудно, скажете вы, что королю так трудно выбраться на самую обыкновенную прогулку. Однако дело оказалось еще сложнее. Гофмейстер согласился поддержать просьбу Матиуша только из благодарности к доктору, который недавно вылечил его, когда он отравился рыбой. Но это еще не все: главное дворцовое управление взялось за это в надежде получить деньги на постройку новой конюшни, которых оно давно и тщетно добивалось. Новая же конюшня была мечтой королевского регента. А обер-полицмейстер дал согласие назло государственному казначею. Ведь за каждую королевскую прогулку полиции выдавали из казны по три тысячи дукатов, а санитарному управлению города – бочку одеколону и тысячу дукатов золотом.

Перед каждой королевской прогулкой двести рабочих и сто уборщиц подметали и наводили в саду порядок: красили скамейки, опрыскивали аллеи одеколоном, с деревьев и кустов вытирали пыль. За чистотой следил целый отряд врачей: всем известно, как вредны для здоровья грязь и пыль. А полиция следила, чтобы в сад не прошмыгнули хулиганы, имеющие обыкновение швырять камни, толкаться, драться и орать.

Матиуш был счастлив. В мальчишке, одетом, как все, никто не узнавал короля. И потом, кому могло прийти в голову, что король, как простой смертный, гуляет в обыкновенном саду. Обойдя два раза сад, Матиуш присел отдохнуть на площадке, где играли дети. Только он сел, как к нему подбежала девочка и говорит:

– Мальчик, хочешь играть с нами? – и, не дожидаясь ответа, взяла Матиуша за руку и повела в круг.

Они пели песенки, водили хоровод. В перерыве между играми девочка разговорилась с Матиушем.

– У тебя есть сестра?

– Нет.

– А кем работает твой папа?

– Мой папа умер. Он работал королем.

Девочка, конечно, подумала, что Матиуш шутит.

– Будь мой папа королем, я бы его попросила купить мне куклу до потолка, – засмеявшись, сказала она.

Из разговора выяснилось, что отец Иренки (так звали девочку) – начальник пожарной команды. И она очень любила пожарных, потому что они катали ее на лошадях.

Матиуш с удовольствием побыл бы еще немножко в саду, но гулять было разрешено до четырех часов двадцати минут сорока трех секунд.

С нетерпением ждал Матиуш следующей прогулки, но в тот день, как назло, моросил дождь, и, опасаясь за здоровье короля, его оставили дома. Наконец долгожданный день настал, и с Матиушем произошел такой случай.

Он, как в прошлый раз, играл с девочками в классики, вдруг подходят мальчишки, и один из них говорит:

– Смотрите, мальчишка, а с девчонками играет!

Все засмеялись. А Матиуш огляделся по сторонам и видит: действительно, ни один мальчик не играет в классики.

– Пойдем лучше играть с нами, – предложил один мальчик.

Матиуш пристально посмотрел на него и – о чудо! – узнал Фелека, того самого мальчика, с которым давно мечтал познакомиться.

Фелек оглядел Матиуша с головы до ног и от удивления даже закричал:

– Гляньте, да он вылитый король Матиуш!

Мальчишки вытаращили глаза. Матиушу стало не по себе, и он бросился бежать к своему адъютанту, который тоже гулял в обыкновенном костюме. И то ли от спешки, то ли от смущения Матиуш растянулся на земле и ободрал коленку.

Когда это стало известно, министры постановили: «Запретить королю гулять в городском саду. Воля короля для нас – закон, но позволять его величеству гулять в саду, где к нему пристают и смеются над ним невоспитанные дети, нельзя. Это унижает королевское достоинство».

Узнав об этом, Матиуш очень огорчился и долго перебирал в памяти мельчайшие подробности этих двух прогулок. Как весело играть с обыкновенными детьми в обыкновенном саду! И он вспомнил о желании Иренки иметь куклу до потолка. С тех пор мысль о том, как осуществить ее мечту, не давала ему покоя.

«Как же так? Ведь я – король, значит, все должны меня слушаться, а выходит наоборот: я всех слушаюсь, – рассуждал Матиуш сам с собой. – Между мной и другими детьми никакой

разницы нет. Как все дети, я читаю и пишу. Мою уши и шею, чищу зубы. И таблица умножения, которую я учу, ничуть не легче той, которую учат другие дети. Какая же выгода быть королем?»

Матиуш взбунтовался и во время аудиенции твердым голосом потребовал у главного министра, чтобы Иренке купили куклу, самую большую, какая есть на свете.

– Ваше величество, соблаговолите выслушать, – начал главный министр.

Но Матиуш заранее знал, что этот несносный человек начнет сейчас плести паутину непонятных слов. Он запутается в ней, как муха, и из затеи с куклой ничего не выйдет. К счастью, Матиуш вспомнил: однажды канцлер вот так же начал что-то плести отцу, а тот топнул ногой и сказал: «Такова моя королевская воля!»

И по примеру отца Матиуш тоже топнул ногой и решительно заявил:

– Такова моя королевская воля!

Главный министр оторопело взглянул на Матиуша, записал что-то в блокноте и пробормотал:

– Желание вашего величества будет изложено министрам.

О чем говорили министры на заседании, неизвестно. Оно проходило при закрытых дверях. Однако в результате вынесли решение: куклу купить. Министр торговли как угорелый два дня носился по магазинам в поисках куклы до потолка. Но ни в одном магазине такой куклы не оказалось. Тогда министр созвал всех фабрикантов. И один фабрикант взялся за большие деньги изготовить куклу за четыре недели. Когда кукла была готова, он выставил ее в витрине своего магазина, снабдив такой надписью: «Поставщик двора его королевского величества изготовил эту куклу для Иренки, дочери начальника пожарной команды».

На другой день в газетах появились фотографии Иренки, куклы и пожарных, которые тушат пожар. Распространились слухи, будто король Матиуш очень любит смотреть на пожары. Кто-то даже написал в газету, что готов поджечь свой дом, лишь бы доставить королю удовольствие. А девочки засыпали Матиуша просьбами подарить им такие же куклы. Канцлер пришел в ярость и строго-настрого запретил статс-секретарю показывать Матиушу эти письма.

Три дня перед магазином толпился народ: всем хотелось поглазеть на королевский подарок, а на четвертый обер-полицмейстер приказал убрать куклу с витрины, так как она мешает уличному движению.

Но в городе еще долго толковали про диковинную куклу, которую король Матиуш подарил Иренке.

3

Матиуш вставал в семь часов утра, умывался, одевался, сам чистил ботинки и убирал постель. Такой порядок завел при дворе его прадед, отважный Павел Завоеватель. Потом Матиуш выпивал ложку рыбьего жира и садился завтракать. На завтрак отводилось шестнадцать минут тридцать пять секунд. Так постановил великий дед Матиуша, добрый Юлиуш Благоденный. После завтрака Матиуш принимал министров в тронном зале – холодном и нетопленом. Прабабушка Матиуша, Анна Праведная, еще будучи ребенком, однажды так сильно угорела, что ее еле-еле спасли. И вот в назидание потомству записали в королевской хронике: «Отныне и впредь в течение пятисот лет в тронном зале не делать печей». Восседает Матиуш на высоком троне и от холода щелкает зубами, а министры по очереди докладывают, что происходит в государстве. Известия, как правило, малоутешительные, поэтому слушать неинтересно.

Министр иностранных дел сообщал, кто хочет с ними жить в мире, а кто – воевать, но говорил он так заумно и путано, что Матиуш ровным счетом ничего не понимал.

Военный министр перечислял, сколько крепостей обветшало, сколько вышло пушек из строя, сколько больных солдат.

Министр железных дорог доказывал, почему необходимо купить новые паровозы.

Министр просвещения жаловался: дети плохо учатся, опаздывают в школу; мальчики тайком курят, вырывают страницы из тетрадок, дерутся, бьют стекла, швыряются камнями, а девочки обижаются и ссорятся.

Государственный казначей сердито заявлял: королевская сокровищница пуста и покупать новые паровозы и новые пушки не на что.

После этого Матиуш час гулял в парке. Но что за радость гулять в одиночку? И он с удовольствием возвращался во дворец и принимался за уроки. Учился Матиуш хорошо. Он понимал: невежде трудно быть королем. И быстро научился подписываться замысловатой закорючкой. Кроме того, он еще занимался французским и другими иностранными языками на случай, если придется ехать в гости к чужеземным королям.

Матиуш учился бы еще лучше, если бы можно было спрашивать обо всем, что приходит в голову. Например, он долго размышлял, как бы изобрести увеличительное стекло, которое воспламеняет порох на расстоянии. Изобрести и объявить всем королям войну, а накануне генерального сражения взорвать неприятельские пороховые склады. И победа обеспечена. Ведь ни у кого не осталось бы и крупинки пороха. И он стал бы самым могущественным королем на земле. Но когда он поделился своими мыслями с учителем, тот пожал плечами с кислой миной и ничего не ответил.

В другой раз он спросил, почему сыну от отца не передаются ум и знания? Стефан Мудрый, отец Матиуша, был очень умный. Королевскую власть Матиуш от него унаследовал, а вот учиться приходится с азов, и еще неизвестно, будет ли он знать столько, сколько отец. А как бы здорово получить в наследство заодно с короной и тронном от прадеда Павла Завоевателя мужество, доброту от Юлиуша Благонравного, от отца – ум и знания.

Но на этот вопрос он тоже не получил ответа.

Мечтал Матиуш и о шапке-невидимке. Надел шапку-невидимку и иди куда хочешь: никто тебя не увидит. Лег бы днем в постель, сказав, что голова болит, выпался бы, а ночью отправился бродить по городу, витрины смотреть, в театр ходил бы.

Папа с мамой однажды взяли его с собой в театр на премьеру. Но он был тогда совсем маленький и ничего не понял. Помнит только, что было очень интересно.

Будь у него шапка-невидимка, выбежал бы он за дворцовые ворота к ребятам, познакомился бы с Фелеком. И во дворце заглянул во все закоулки. На кухне посмотрел бы, как разные кушанья готовят, в конюшню к лошадям прокрался и всюду, куда его не пускают.

«Странно! – скажете вы. – Почему королю запрещают такие пустяки?» Но дело в том, что короли обязаны строго соблюдать этикет. Этикет – это правила поведения, принятые при дворе, которые передаются из поколения в поколение. И захоти какой-нибудь король-выскочка сделать что-то по-своему, его перестали бы бояться и уважать. Сказали бы: он уронил королевское достоинство и не уважает своего великого отца, деда, прадеда! Поэтому, если король задумал ввести какое-нибудь новшество, он обращается к церемониймейстеру, который следит за соблюдением этикета и точно знает, что королям можно делать, а чего нельзя.

Как известно, Матиушу по этикету отводилось на завтрак шестнадцать минут тридцать пять секунд, потому что так поступал его дед. Тронный зал не отапливался – такова была воля его прабабушки. Но прабабушка давно умерла, и ее не спросишь: можно ли поставить в зале печку?

Из-за любого пустяка, если это касается королевской особы, созывают министров, и они долго с умным видом совещаются. Так было с прогулкой Матиуша. И волокита отбивала всякое желание о чем-нибудь просить.

А Матиуш оказался еще в худшем положении, чем его предки: этикет-то рассчитан на взрослых, а не на детей! Поэтому церемониймейстеру волей-неволей пришлось немного отсту-

пить от строгого, чопорного этикета. Так, вместо сладкого вина Матиушу давали ложку противного рыбьего жира, а вместо газет приносили книжки с картинками.

Конечно, знай Матиуш столько, сколько отец, или имей он шапку-невидимку, тогда может стоило быть королем. А так что? Уж лучше бы родился он обыкновенным мальчиком, ходил себе в школу, вырывал страницы из тетрадок да камнями кидался. «Хорошо бы поскорей научиться писать и послать Фелеку письмо. Фелек ответит, и получится, будто мы разговариваем», – подумал Матиуш.

И с тех пор он стал особенно старательно переписывать из книжки стишки и рассказы. Он бы даже гулять не ходил, если бы позволили. Но опять мешал этот проклятый этикет: из тронного зала полагалось идти в парк. Двадцать лакеев стояли наготове, чтобы распахнуть перед юным королем дверь. Откажись Матиуш в один прекрасный день от прогулки, двадцать лакеев остались бы без дела.

«Тоже мне работа – дверь открывать!» – скажет несведущий человек. И вот, чтобы никто не подумал, будто у дворцовых лакеев райская жизнь, придется рассказать, что... по утрам они принимают холодную ванну, потом придворный парикмахер причесывает их, бреет, подстригает усы и бороды. Потом они тщательно чистят свою одежду, чтобы ни пылинки, ни пушинки не пристало. Триста лет тому назад, в царствование Генриха Свирепого, какая-то безмозглая блоха возьми да прыгни с ливреи своего хозяина на королевский жезл. Неряхе лакею отрубили голову, а гофмейстер лишь чудом избежал казни. И с той поры дворецкий в одиннадцать часов семь минут проверяет, чистые ли у лакеев уши, шея, руки, а в тринадцать часов семнадцать минут является церемониймейстер. За незастегнутую пуговицу полагалось шесть лет тюрьмы, за небрежную прическу – четыре года каторжных работ, за неловкий поклон – два месяца заключения на хлебе и воде.

«Странный народ эти взрослые. Лучше не связываться с ними, – решил Матиуш. – А то еще откопают в истории какого-нибудь королишку-домоседа, который носа на улицу не высывал, и заставят меня брать с него пример. Тогда все пропало! И никакого письма Фелек не получит».

Матиуш был способный, но главное – не способности, а сильная воля и упорство.

«Через месяц напишу Фелеку первое письмо», – решил он про себя. И, несмотря на разные помехи, ровно через месяц письмо было готово.

Дорогой Фелек,

я уже давно смотрю, как вы играете во дворе. Мне очень хочется поиграть с вами. Но мне не позволяют, потому что я король. Ты мне очень нравишься. Напиши, кто ты, я хочу с тобой дружить. Если твой отец военный, может, тебе разрешат приходить иногда в королевский парк.

Король Матиуши

Тревожно билось у Матиуша сердце, когда он подозвал Фелека и просунул через решетку письмо.

Еще сильнее забилося у него сердце, когда на другой день он тем же путем получил ответ.

Король,

мой отец – сержант королевской гвардии. Мне очень хочется погулять в королевском парке. Король, я предан тебе душой и телом и готов защищать тебя до последней капли крови. Если тебе понадобится моя помощь, только свистни, и я явлюсь по первому твоему зову.

Фелек

Матиуш спрятал письмо на дно ящика, под книги, и стал учиться свистеть. Главное, сохранить все в тайне, а пока придумать, что предпринять. Если открыто попросить, чтобы Фелеку разрешили приходить в королевский парк, сразу начнутся расспросы: зачем, для чего, откуда Матиуш знает, как его зовут, где они познакомились? А если продолжать встречаться тайно... Брр, даже страшно подумать, что будет, если их накроют. Как ни кинь – все клин! Будь отец Фелека хотя бы поручиком, а то сержант! Офицерскому сыну, может, разрешили бы играть с королем, а так – никакой надежды!

«Надо подождать, – решил Матиуш, – а пока научусь-ка я свистеть».

Если никогда не видел, как это делается, научиться свистеть совсем не просто. Но у Матиуша, как известно, была сильная воля, и ему это удалось.

И вот однажды он свистнул просто так, для пробы. И каково же было его изумление, когда через минуту словно из-под земли вырос Фелек.

– Как ты сюда попал?

– Перелез через забор, – ответил мальчик, стоя перед королем навтытяжку.

Король со своим новым другом юркнули в густой малинник, росший вдоль ограды, чтобы без помех решить, как быть дальше.

4

– Знаешь, Фелек, какой я несчастный! С тех пор как я научился писать, мне приносят на подпись разные бумаги, и это у них называется управлять государством. На самом деле не я распоряжаюсь, а мной все командуют. Велят делать множество скучных, ненужных вещей, а все интересное делают сами.

– Кто же эти мерзавцы, которые смеют командовать вашей милостью?

– Министры. Когда был жив отец, я слушался его...

– Тогда ты был его высочеством, наследным принцем, а отец твой – его величеством королем, а теперь...

– Теперь мне совсем плохо. Ведь министров много, а я один!

– Они военные или штатские?

– Военный министр один.

– А остальные штатские?

– Что такое «штатские»?

– Ну, которые сабель и мундиров не носят.

– Значит, штатские.

Запихнув в рот пригоршню малины, Фелек глубоко задумался. А потом неожиданно спросил, есть ли в королевском саду вишни.

Матиуша несколько озадачил этот вопрос, но Фелек уже успел завоевать его расположение, и он сказал, что есть вишни и груши, и обещал передать Фелеку через забор, сколько он захочет.

– Ну, ладно, часто нам видеться нельзя, а то попадемся. Будем делать вид, что мы незнакомы. А письма кладите, ваше величество, под забор. И про вишни не забудьте! Положите письмо, ваше величество, свистните, и я его возьму.

– А когда у тебя будет готов ответ, ты мне свистни, – обрадовался Матиуш.

– Короля свистом вызывать не годится, – возразил Фелек. – Я кукушкой буду кричать. Встану подальше от забора и – «ку-ку, ку-ку!».

– Хорошо, – согласился Матиуш. – Когда мы опять увидимся?

Фелек долго соображал что-то и наконец проговорил:

– Без разрешения мне сюда нельзя приходить. Мой отец за версту человека разглядит, недаром он в королевской гвардии служит. А он строго-настрого запретил мне даже близко

подходить к забору. «Фелек, – сказал он, – не вздумай вишни воровать в королевском саду, не то шкуру с тебя спущу».

Матиуш оторопел.

Вот тебе на! С таким трудом найти друга – и чтобы по твоей вине с него шкуру содрали! Нет, это слишком большой риск.

– Как же ты вернешься домой? – забеспокоился Матиуш.

– Вы уходите, ваша милость, а я уж что-нибудь придумаю.

Признав его совет разумным, Матиуш выбрался из зарослей. И как раз вовремя: гувернер-иностранец, обеспокоенный его отсутствием, так и зыркал по сторонам.

Высокая дворцовая ограда не мешала дружбе мальчиков. Но Матиуш часто вздыхал на осмотрах у доктора, который каждую неделю измерял его рост и взвешивал, чтобы знать, скоро ли король подрастет. Матиуш жаловался на одиночество и однажды сказал военному министру, что хотел бы обучаться военному делу.

– Может, у вас есть на примете знакомый сержант, который давал бы мне уроки?

– Желание вашего величества овладеть военным ремеслом весьма похвально. Но почему вы хотите, чтобы это был непременно сержант?

– Не обязательно сержант, пусть сын сержанта.

Военный министр наморщил лоб и с важным видом записал что-то в блокнот.

Матиуш безнадежно вздохнул: он заранее знал ответ министра.

– Желание вашего величества будет обсуждено на ближайшем заседании совета министров.

«Ничего путного из этого не выйдет: пришлют старого генерала», – подумал Матиуш.

Однако на этот раз дело неожиданно приняло иной оборот.

На ближайшем заседании на повестке дня стоял один вопрос – война. Три государства объявили Матиушу войну.

Прошел день, второй, а Матиуш ничего не знал. О войне сообщил ему Фелек. Обычно, положив письмо, Фелек раза три кричал: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку», в тот день его «ку-ку» повторялось раз сто. И Матиуш догадался: значит, письмо очень важное. Но насколько важное, он, конечно, не подозревал. Их государство давно не воевало. Стефан Мудрый, его отец, умел жить в мире с соседями, и, хотя большой дружбы ни с кем не водил, до войны дело не доходило, а ему объявить войну никто бы не отважился.

Три государства объявили вашему величеству войну, – писал Фелек. – Мой отец давно сулил выпить на радостях при первом известии о войне. Я жду когда он напьется, потому что нам необходимо увидеться.

Все понятно: соседи захотели воспользоваться неопытностью короля. И Матиуш решил доказать им, что они просчитались: он хоть и маленький, сумеет защитить свою страну не хуже большого.

Война!

У Матиуша кровь взыграла – недаром он был правнуком отважного Павла Завоевателя!

Вот когда бы пригодились увеличительное стекло, воспламеняющее на расстоянии порох, и шапка-невидимка!

Матиуш ждал, когда его пригласят на чрезвычайное заседание и он как монарх возьмет бразды правления в свои руки. Но заседание состоялось ночью, и Матиуша не позвали.

А утром, как всегда, явился на урок гувернер-иностранец.

Матиуш знал: по придворному этикету королю не пристало капризничать, упрямитесь и злиться, особенно в такой ответственный момент, как сейчас. Поэтому он только грозно

нахмурил брови и, взглянув на себя в зеркало во время урока, подумал: «Я похож на Генриха Свирепого!»

С нетерпением ждал Матиуш того часа, когда министры обычно являлись к нему с докладом. Каково же было его возмущение, когда церемониймейстер объявил, что сегодня аудиенция отменяется.

– Я требую, чтобы военный министр немедленно явился в тронный зал! – побледнев от гнева, твердо сказал он.

Слово «военный» Матиуш произнес таким тоном, что церемониймейстер насторожился: похоже, юному королю все известно.

– Военный министр на заседании.

– Тогда я сам пойду к нему, – заявил Матиуш и направился в аудиенц-зал.

– Ваше величество, извольте подождать минутку, – чуть не плача, взмолился старик. – Сжальтесь надо мной! Я головой отвечаю за порядок во дворце. У меня будут крупные неприятности.

Матиушу стало жаль старика. Ведь никто не знал лучше него, что можно делать королю, а чего нельзя. Часто долгими зимними вечерами, сидя у камина, Матиуш затаив дыхание слушал рассказы старика о короле-отце, королеве-матери, о балах и театральных представлениях, парадах и маневрах.

Кроме того, Матиуша мучили угрызения совести. Тайная переписка с сыном сержанта, ворованные вишни и малина – все это не давало ему покоя. «Конечно, – рассуждал он, – сад принадлежит мне, и ягоды я рвал не для себя, а для друга. Но делать это украдкой, исподтишка – нехорошо. Вдруг я обесчестил этим поступком своих великих предков?»

Слезы старика тронули Матиуша. И доброта чуть его не погубила; он уже готов был пойти на попятный. Но вовремя опомнился и, сделав над собой усилие, нахмурился и холодно сказал:

– Так и быть, даю вам десять минут.

Церемониймейстер опрометью выбежал вон. Во дворце поднялся переполох.

– Откуда Матиуш узнал о войне? – недоумевал министр юстиции.

– Чего этот сопляк всюду сует свой нос! – возмущенно воскликнул канцлер.

– Господин канцлер, не забываетесь, – одернул его министр юстиции. – Закон запрещает на официальных заседаниях отзываться столь неуважительно о королевской особе. В частной беседе можете говорить что угодно, но сейчас вы – официальное лицо. О чем вы думаете, никого не касается, но вслух говорить об этом вы не имеете права.

– Но совещание было прервано, – оправдывался насмерть перепуганный канцлер.

– Тогда следовало объявить перерыв, а вы этого не сделали.

– Простите, я забыл.

Военный министр посмотрел на часы.

– Господа, его величество король дал нам десять минут на размышления. Четыре минуты уже прошло. Давайте не терять времени на ссоры. Как старый солдат, я привык подчиняться приказам.

Канцлер трусил не даром. Ведь это он написал синим карандашом:

«Хорошо, пусть будет война».

Быть храбрым на словах ничего не стоит, а вот расхлебывать кашу, которую заварил, не так-то просто. Что ответить, если король спросит, зачем он так написал?

После смерти Стефана Мудрого все министры были против вступления Матиуша на престол. Однако теперь они втайне радовались, что канцлер попал впросак. Так ему и надо! Пусть не важничает и не распоряжается в государстве, как у себя дома.

Судьба самого государства никого не интересовала. Все были озабочены лишь тем, как бы свалить вину на другого за то, что от короля утаили такое важное известие.

– Господа, осталась одна минута, – вставая, промолвил военный министр.

Он застегнул верхнюю пуговицу, поправил ордена на груди, покрутил ус, взял револьвер со стола и минуту спустя навтыяжку стоял перед королем.

– Значит, война? – тихо спросил Матиуш.

– Так точно, ваше величество.

У Матиуша словно гора с плеч свалилась. Он тоже волновался: «А вдруг Фелек что-то напутал? Вдруг это неправда? Или просто шутка?»

Но короткое «так точно» не оставляло места для сомнений. Война, и притом серьезная. Они хотели от него это скрыть, но Матиуш сам обо всем узнал. А как – это тайна.

– Экстренный выпуск последних известий! Правительственный кризис! – спустя час кричали на перекрестках мальчишки-газетчики.

Это значит – министры перессорились.

5

Причина правительственного кризиса заключалась в следующем. Канцлер оскорбился и заявил, что слагает с себя полномочия, то есть отказывается быть главным министром.

Министр железных дорог сказал: для перевозки войска не хватит паровозов. Министр просвещения сказал: все учителя уйдут на войну, и мальчишки совсем от рук отобьются – будут стекла бить, ломать парты. Поэтому он тоже больше не хочет быть министром.

На четыре часа назначили чрезвычайное заседание совета министров.

Воспользовавшись переполохом, Матиуш выскользнул в парк и два раза пронзительно свистнул. Но Фелек не появился.

Необходимо с кем-то посоветоваться. На нем лежит огромная ответственность. «Что делать? Как быть?» – ломал он себе голову и, не находя ответа, в отчаянии расплакался.

Вконец измученный, Матиуш прилег на траву, положил голову на березовый пенек и заснул.

И приснился ему сон. Будто на троне сидит отец, а перед ним навтыяжку стоят все министры. Вдруг в тронном зале пробили часы, которые испортились, кажется, лет четыреста назад, и в зал торжественно вступил церемониймейстер, а за ним четыре лакея несли золотую корону. Отец подозвал к себе Матиуша и протянул ему корону с такими словами: «Передаю тебе свою корону и свой ум, потому что корона без разума – кусок золота, который может принести большой вред людям». Сказал и положил Матиушу руку на плечо.

Тут Матиуш проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо, говоря:

– Ваше величество, скоро четыре часа.

Матиуш поднялся с земли, на которой так сладко спал, и – странное дело! – отчаяния и растерянности как не бывало. Он не подозревал, что еще не одну ночь проведет на голой земле, под открытым небом и надолго расстанется с роскошным королевским ложем.

Сон сбылся: Матиуш возложил на голову корону, но подал ее не отец, а церемониймейстер. Ровно в четыре часа Матиуш позвонил в колокольчик и произнес:

– Господа, объявляю заседание открытым!

– Прошу слова, – сказал канцлер.

Он произнес длинную, нудную речь, которая сводилась к тому, что ему весьма прискорбно покидать юного короля в столь тяжелых обстоятельствах, но он болен и поэтому подает в отставку.

Примерно то же самое повторили за ним четыре министра.

Матиуш несколько не растерялся и спокойно, но твердо сказал:

– Господа, причины у вас бесспорно уважительные. Но на время войны придется забыть о болезнях и усталости. Вы, господин канцлер, в курсе всех дел и уйти сейчас в отставку никак не можете. Вот выиграем войну – тогда поговорим.

– Но в газетах уже сообщили о моей отставке.

– А теперь сообщат, что по моей просьбе вы остаетесь на своем посту.

«По моему приказанию», – чуть не вырвалось у Матиуша, но, видно, отцовский разум подсказал ему вместо слова «приказ» слово «просьба».

– Господа, наш священный долг – защищать родину.

– Значит, ваше королевское величество собирается воевать одновременно с тремя государствами? – спросил военный министр.

– А вы думали, внук Павла Завоевателя запросит пощады?

Министры не ожидали услышать такой ответ. А главное, канцлер был польщен, что сам король просит его не уходить в отставку. Он немного поломался для вида, но в конце концов согласился.

Когда совещание кончилось – а продолжалось оно очень долго, – мальчишки-газетчики опять разбежались по городу.

– Экстренный выпуск последних известий! Правительственный кризис преодолен! – кричали они.

Это значило – министры помирились.

Матиуш был разочарован: на заседании ни словом не обмолвились о том, что он, Матиуш, обратится к народу с воззванием, а потом на белом коне поскачет во главе отважной армии на войну.

Вместо этого толковали о каких-то пустяках: о железных дорогах, деньгах, сухарях, о сапогах для солдат, о сене, овсе, говядине да свинине, будто речь шла не о грядущих битвах, а о чем-то совсем будничном.

Матиуш много слышал о минувших сражениях, а о современной войне понятия не имел. Но скоро ему самому предстояло убедиться, какая связь существует между сухарями, сапогами и войной.

Разочарование и беспокойство Матиуша выросли еще больше, когда на другой день в обычный час явился на урок гувернер.

Но не прошло и пол-урока, как Матиуша позвали в тронный зал.

– Послы тех государств, которые объявили нам войну, уезжают.

– Куда?

– На родину.

«Чудно, представители вражеских держав преспокойно уезжают домой, как будто ничего не случилось! – недоумевал Матиуш. – Но, пожалуй, даже лучше расстаться с ними по-хорошему».

– А зачем они явились?

– Попрощаться с вашим королевским величеством.

– А какой у меня должен быть вид – оскорбленный или разгневанный? – тихо спросил он у церемониймейстера, чтобы не расслышали лакеи, а то они перестали бы его уважать.

– Будьте любезны и приветливы. Впрочем, не беспокойтесь, они сами знают, как вести себя в подобных случаях, – вывел его из затруднения церемониймейстер.

Двери широко распахнулись, и в зал величественно вступили чужеземные послы. «Без стражи, без наручников и кандалов», – с удивлением отметил про себя Матиуш.

– Прощайте, ваше королевское величество! Очень прискорбно, что дело дошло до войны. Мы, со своей стороны, приложили все усилия, чтобы избежать этого. Но, увы, наши старания не увенчались успехом. С сожалением возвращаем орден – нам не пристало носить ордена враждебной державы.

Церемониймейстер принял у послов ордена.

– Соблаговолите, ваше величество, принять выражение искренней благодарности за гостеприимство, оказанное нам в вашей замечательной столице. У нас сохранятся о ней самые

отрадные воспоминания. Мы не сомневаемся, что в ближайшее же время досадное недоразумение будет устранено, и наши страны снова заживут в мире и согласии.

Матиуш встал и с достоинством промолвил:

– Передайте вашим королям: я рад войне и постараюсь поскорее разбить их, но условия мира предъявляю необременительные. Так всегда поступали мои великие предки.

Выслушав его, послы низко поклонились. А один незаметно усмехнулся.

– Аудиенция окончена! – объявил церемониймейстер, трижды ударив серебряной булавой об пол.

Напечатанное во всех газетах обращение Матиуша к послам вызвало у населения восторг. Перед дворцом собралась огромная толпа. Оглушительные крики «ура» сотрясали воздух.

Напрасно Матиуш прождал три дня. Ничего не изменилось. «Король во время войны зубрит грамматику, пишет диктанты и решает задачи – на что это похоже!» – возмущался он.

Огорченный, сбитый с толку, слонялся он по саду, как вдруг услышал знакомое «ку-ку».

И в следующее мгновение уже держал в руках долгожданное письмо от Фелека.

Я еду на фронт. Отец сдержал обещание только наполовину: напился, но спать не лег, а стал собираться в дорогу. Не найдя фляжки, перочинного ножа и патронташа, он решил, что это я украл, и всыпал мне по первое число. Сегодня или завтра ночью я удеру из дома. Я был на вокзале. Солдаты обещали взять меня с собой. Если у вашего королевского величества есть какие-нибудь поручения, буду ждать в семь часов. Очень пригодились бы колбаса на дорогу, желательно копченая, бутылка водки и табак.

Неприятно украдкой, как воришка, удирать из дома, особенно если ты не простой мальчик, а король. Еще неприятней потихоньку прокрадываться в столовую, залезать в буфет и впопыхах хватать первое, что попадет под руку: бутылку коньяка, банку икры и большой кусок лососины.

«Ничего не поделаешь, война есть война, – утешал себя Матиуш. – На войне свои законы».

Матиуш был печален, а Фелек так и сиял от счастья.

– Коньяк даже лучше водки, – говорил он. – А что табака нет – тоже не беда.

Фелек, оказывается, засушил листьев, а на фронте ему, как и всем солдатам, выдадут табак. Все хорошо. Жалко только, что главнокомандующий – растяпа.

– Растяпа? А кто назначен главнокомандующим?

Кровь ударила Матиушу в голову. Опять министры обманули его! Оказывается, войска уже неделю как выступили в поход, было даже два сражения – не очень удачных для наших. А во главе войска поставили старого генерала, которого отец Фелека, когда изрядно выпил, назвал растяпой и олухом. Ах вот как! Министры воображают, что свозят Матиуша, как на экскурсию, разок-другой на фронт, и вдобавок в безопасное место. Он будет прилежно зубрить грамматику и решать задачки, а народ за него – кровь проливать! А когда привезут в столицу раненых, ему милостиво разрешат навестить их. И во главе похоронной процессии, если убьют генерала, тоже пойдет Матиуш, – это, считают они, ему можно.

«Значит, народ будет защищать меня, а не я его?»

А королевское достоинство? А честь? Что подумает о нем Иренка? Покупать девчонкам кукол до потолка ему можно, а идти на войну нельзя. Нет, господа министры, вы глубоко ошибаетесь, Матиуш не таков!

Матиуш схватил Фелека за плечо, когда тот запихивал в рот пятую пригоршню малины.

– Фелек!

– Слушаюсь, ваше королевское величество!

– Хочешь быть моим другом?
– Так точно, ваше королевское величество!
– Фелек, я сообщу тебе тайну. Только смотри не проболтайся.
– Есть, ваше величество, не проболтаться!
– Сегодня ночью я вместе с тобой убегу на фронт.
– Есть, ваше величество!
– Давай поцелуемся!
– Есть поцеловаться!
– Говори мне «ты».
– Есть говорить вашему величеству «ты»!
– С этой минуты я больше не король. Погоди, какое бы придумать себе имя? Ага! Томек Пальчик. Тебя зовут Фелек, а меня – Томек.

– Есть! – сказал Фелек, чуть не подавившись большим куском лососины.

Они условились: сегодня в два часа ночи Матиуш будет ждать Фелека у дворцовой ограды.

– Послушай, Томек, на двоих провизии нужно вдвое больше.

– Ладно, – недовольно буркнул Матиуш. Ему показалось, что в такой ответственный момент думать о еде недостойно.

Гувернер брезгливо поморщился, заметив на щеке Матиуша красное пятно – след перепачканных малиной Фелековых губ, но ничего не сказал: в королевском дворце тоже ощущалось веяние войны.

Скандал! Из королевского буфета пропала только вчера откупоренная бутылка коньяка, колбаса высшего сорта и половина лосося. Эти лакомства предназначались для гувернера – такое условие он поставил покойному королю, когда нанимался учить наследника престола. И вот сегодня, впервые за все время, он будет лишен этого! Как ни старался повар, сделать ничего не удалось. Еще бы! Нужно ведь писать прошение, на нем главный управитель дворцового хозяйства должен поставить печать, потом ключарь – подписать, и только тогда главный хранитель королевских подвалов выдаст новую бутылку коньяка. А если кто-нибудь заартачится и не подпишет прошения до окончания следствия по делу о пропаже, тогда прощай любезный коньяк на месяц, а то и больше.

Обозленный гувернер налил Матиушу рюмку рыбьего жира и на пять секунд раньше, чем полагалось по этикету, отослал спать.

6

– Томек, ты?

– Я. Это ты, Фелек?

– Ага! Темно, черт возьми! На часовых бы не наскочить!

Матиуш не без труда влез на дерево, с дерева – на забор, а с забора прыгнул на землю.

– Король, а неловкий, как девчонка! – проворчал себе под нос Фелек, когда Матиуш плюхнулся на землю и издали послышался окрик часового:

– Стой! Кто идет?

– Не отвечай! – прошипел Фелек.

Падая с забора, Матиуш ободрал кожу на руке: первое ранение на этой войне.

Пригибаясь к земле, перебежали они через дорогу, скатились в ров и под носом у часовых проползли до тополевой аллеи, которая вела к казармам. Казарму обогнули справа. Ориентиром им служила электрическая лампочка, горевшая над гауптвахтой. Потом миновали мостик и вышли на шоссе, которое привело их прямехонько на вокзал.

Там взору представилась картина, воскресившая в памяти Матиуша рассказы о минувших войнах. Всюду, насколько хватал глаз, – костры, у огня солдаты беседуют или спят, в котелках кипит вода.

Матиуша несколько не удивила легкость, с какой Фелек среди этой неразберихи вел его кратчайшим путем к своему отряду. Он думал, все мальчишки-некороли такие. Но Матиуш ошибался, Фелек превосходил даже самых ловких и находчивых.

Сутолока, толчая, каждый час прибывают новые и новые отряды, которые передвигаются туда-сюда: одни к железнодорожным путям, другие ищут удобного места для ночлега. Заблудиться ничего не стоит. Фелек несколько раз в нерешительности останавливался. С тех пор как он был здесь днем, многое изменилось. Вот тут стояли пушки – сейчас их увезли на фронт, а на их месте развернули полевой госпиталь. Саперы подались ближе к железнодорожному полотну, а там, где стояли они, суетились телеграфисты. Часть луговины, где расположились лагерем войска, заливал яркий свет прожекторов, другая тонула во мраке. Как назло, стал накрапывать дождь, трава была вытоптана, и ноги вязли в липкой грязи.

Матиуш устал, ему хотелось передохнуть, но он боялся отстать от Фелека, а тот не шел, а бежал, расталкивая встречных.

– Кажется, здесь, – прищурясь, сказал Фелек. Вдруг взгляд его упал на Матиуша. – А где твое пальто?

– Висит в королевском гардеробе.

– И рюкзак не взял? Ну, знаешь, так отправляются на войну только растяпы, – вырвалось у Фелека.

– Или герои, – с достоинством ответил Матиуш.

Фелек прикусил язык: как-никак Матиуш – король. Но Фелек был страшно зол: и дождь пошел некстати, и знакомые солдаты, обещавшие спрятать его в вагоне, куда-то подевались, и еще этот Матиуш, который даже не знает, что надо брать в дорогу. У него, Фелека, хоть он и получил нахлобучку от отца, и фляга есть, и перочинный нож, и ремень – все, что полагается иметь настоящему солдату. А Матиуш – вот ужас-то! – в лакированных туфлях, на шее зеленый галстук. Криво повязанный в спешке, грязный, как тряпка, этот злополучный галстук придавал его внешности нечто комическое, и если бы не тревожные мысли, Фелек наверняка бы расхохотался.

– Фелек! Фелек! – позвал вдруг кто-то.

И к ним подошел рослый парень, видно, тоже доброволец, но в шинели он выглядел как заправский солдат.

– Я жду тебя здесь. Наши уже на вокзале, через час посадка. Скорей!

«Еще скорей», – ужаснулся Матиуш.

– А это что за франт? – спросил верзила, указывая на Матиуша.

– Долгая история! Потом расскажу. Пришлось с собой взять.

– Хорошенькое дело! Кабы не я, и тебя бы не взяли, а ты еще этого щенка приволок.

– Заткнись! – рассердился Фелек. – Он мне бутылку коньяка дал, – прибавил он шепотом, чтобы Матиуш не расслышал.

– Дашь глотнуть?

– Посмотрим.

Три добровольца долго шли молча. Старший злился на Фелека за своеволие. Фелек понимал, что влип в глупейшую историю, и ему было не по себе. А Матиуш чувствовал себя смертельно оскорбленным и, если бы не обещание молчать, показал бы этому бродяге, как короли отвечают на оскорбление.

– Слушай, Фелек. – Провожатый вдруг остановился. – Если ты сейчас же не отдашь мне коньяк, иди один. Я за тебя замолвил словечко, и ты обещал слушаться. Что будет дальше, если ты с самого начала задаешься.

Вспыхнула ссора, и дело неминуемо кончилось бы дракой, но тут взорвался ящик с ракетами. Видно, по неосторожности слишком близко поднесли огонь. Две артиллерийские лошади испугались и понесли. Началась паника, воздух прорезал чей-то пронзительный вопль. Когда суматоха немного улеглась, мальчики увидели своего провожатого в луже крови с перебитой ногой.

Они остолбенели. Что война – это смерть, раны, кровь, они знали, но им казалось, это где-то далеко, на поле боя.

– Что за беспорядок, почему здесь дети? – ворчал какой-то человек, наверно, врач, отпихивая их в сторону. – Ну, так я и знал: добровolec. Сидел бы ты, сопляк, дома да соску сосал, – бормотал врач, разрезая ножницами штанину.

– Томек, ходу! – шепнул Фелек, заметив вдали двух жандармов, сопровождавших санитаров с носилками.

– А его оставим одного? – робко спросил Матиуш.

– Ну и что? Его отправят в госпиталь. Он теперь не воин.

Они притаились за палаткой. Через минуту на месте происшествия никого не было – валялся только башмак, забытая санитарями шинель раненого, да алела смешанная с грязью кровь.

– Шинель пригодится, – сказал Фелек. – Отдам, когда выздоровеет, – прибавил он в свое оправдание. – Скорей на вокзал! И так сколько времени потеряли!

Когда они с трудом протиснулись на перрон, в роте шла переключка.

– Не расходиться! – уходя, приказал молодой поручик.

Фелек рассказал солдатам про случай с парнем и не без внутреннего трепета представил им Матиуша.

– Поручик на первой же станции вышвырнет его из вагона. Когда мы о тебе сказали, он недовольно поморщился.

– Эй, вояка, сколько тебе лет?

– Десять.

– Дело дрянь! Хочешь, лезь под лавку. Только поручик все равно тебя вышвырнет, и нам из-за тебя попадет.

– Пусть только попробует вышвырнуть, сам пешком пойдет! – негодуя крикнул Матиуш.

Его душили слезы. Вместо того, чтобы на белом коне, осыпaeмый цветами во главе войска покинуть столицу и встать на защиту родины и народа, он, как преступник, тайком удирает из двorca и вдобавок еще терпит оскорбления.

Коньяк и лососина смягчили сердца солдат, и лица их прояснились.

– Коньяк прямо королевский! А лососина так и тает во рту! – нахваливали они.

Не без злорадства наблюдал Матиуш, как коньяк гувернера с бульканьем льется в солдатские глотки.

– Глотни и ты, малыш! Посмотрим, годишься ли ты в солдаты.

Наконец-то Матиуш отведал королевский напиток!

– Долой учителей! – провозгласил он, вспомнив, как гувернер поил его рыбьим жиром.

– Э, да он бунтовщик! – отозвался молодой капрал. – Кого это ты мучителем называешь? Уж не Матиуша ли? Будь осторожен, сынок! За одно такое словечко можно пулю в лоб заработать!

– Король Матиуш не мучитель! – горячо запротестовал Матиуш.

– Он еще мал, а каков будет, когда вырастет, неизвестно.

Матиуш хотел еще что-то сказать, но Фелек ловко перевел разговор на другое:

– Идем мы, значит, а тут как бабахнет! Я думал, с аэроплана бомбу сбросили. А это ящик с ракетами взорвался. Потом с неба разноцветные звезды посыпались...

– На кой черт им ракеты на войне?
– Путь освещать, когда нет прожекторов.
– Рядом тяжелая артиллерия стояла. Лошади испугались – и прямо на нас! Мы с ним отскочили, а тот не успел...

– Рана-то серьезная?
– Крови целая лужа натекла. Его сразу унесли.
– Эх, война, война... – вздохнул кто-то. – Коньяк-то еще остался? И поезда что-то не видать.

Но тут, с шипением выпуская пар, подошел паровоз. Поднялась суматоха, беготня, гомон.

– Отставить посадку! – на бегу кричал поручик.

Но голос его потонул в общем шуме.

Словно мешки, забросили солдаты мальчишек в вагон. Слышался испуганный храп упиравшихся лошадей, ругань, скрежет – не то отцепляли, не то прицепляли вагоны. Наконец поезд тронулся. Вдруг – трах! – раздался треск, и опять вернулись на станцию.

Кто-то вошел в вагон с фонарем, выкрикивая фамилии, проверяя, все ли на месте. Потом солдаты побежали с котелками за похлебкой.

Матиуш видел и слышал все как сквозь сон, у него слипались глаза. И он не заметил, как поезд тронулся. Проснувшись, он услышал мерный перестук колес. Поезд шел полным ходом. «Едем», – подумал король Матиуш и снова заснул.

7

В тридцати вагонах ехали солдаты, на двух открытых платформах везли автомобили и пулеметы, а в единственном спальном вагоне разместились офицеры.

Матиуш проснулся с головной болью. Ныла ушибленная нога, спина, болели глаза. Руки были липкие, грязные, и нестерпимо чесалось все тело.

– Вставайте, зайцы, похлебка остынет!

Матиуш, не привыкший к грубой солдатской пище, с трудом проглотил несколько ложек.

– Ешь, брат, что дают! Разносолов не будет, – уговаривал его Фелек, но это не действовало.

– Голова болит.

– Слушай, Томек, не вздумай болеть... – тревожно зашептал товарищ. – На войне болеть не полагается.

Вдруг Фелек стал яростно чесаться.

– Старик был прав, – пробормотал он, – уже грызут, проклятые... А тебя не кусают?

– Кто? – спросил Матиуш.

– «Кто, кто!» Блохи. А может, и похуже что. Старик сказал: на войне страшны не пули, а эти паразиты.

Матиушу пришла на память история злополучного королевского лакея, и он подумал: «Интересно, как выглядят эти насекомые, которые привели в такую неистовую ярость моего великого предка». Но предаваться размышлениям было некогда.

– Ребята, прячьтесь, поручик идет! – раздался вдруг голос капрала.

Их затолкали в угол и прикрыли сверху шинелями.

После проверки обмундирования кое у кого обнаружили лишние вещи. Один солдат, по профессии портной, взялся от нечего делать сшить для наших добровольцев солдатскую форму.

Хуже обстояло дело с сапогами.

– Послушайте, ребята, вы всерьез решили воевать?

– А то как же?

– Пешком придется много топать, вот что. Поэтому после винтовки для солдат главное – сапоги. Пока ноги целы, и горюшка мало, а пятку натер – пропащий ты человек. Крышка тебе. Каюк.

Солдаты лениво переговаривались, а поезд медленно продвигался вперед. По часу и больше простаивал он на станциях. Чтобы пропустить эшелон поважней, их отводили на запасный путь. Случалось, возвращали назад на станцию, которую они только что покинули, а то и останавливали в чистом поле, за несколько километров от жилья.

Иногда солдаты пели песни, в соседнем вагоне кто-то играл на гармошке. На стоянках даже плясали. Для ребят, которым не разрешалось выходить из вагона, время тянулось особенно медленно.

– Не высовывайтесь, поручик идет! – слышалось то и дело.

Матиуш чувствовал себя таким усталым и разбитым, будто по крайней мере в пяти сражениях побывал. Хотелось спать, но мешал зуд; выйти на свежий воздух нельзя, а в вагоне душно.

– Знаете, почему мы так долго стоим? – спросил один солдат, веселый, бойкий парень, который всегда приносил свежие новости.

– Небось мост взорван или пути повреждены.

– Мосты наши охраняют – будь здоров!

– Значит, угля не хватило, не рассчитали, сколько потребуется.

– Может, диверсанты паровоз испортили?

– Вот и нет! Все эшелоны задержаны, потому что королевский поезд должен проследовать.

– А кто же, черт побери, поедет в нем? Уж не Матиуш ли, наш король?

– Только его там не хватало.

– Не нашего ума это дело. Король знает, что делает.

– Теперь короли на войну не ездят.

– Другие не ездят, а Матиуш вполне мог поехать, – вырвалось у Матиуша, хотя Фелек дернул его за рукав.

– Все короли хороши. Может, в старину иначе было...

– Откуда мы знаем, как было в старину? Тоже небось лежали под периной и дрожали, только никто этого не помнит, вот и сочиняют всякие небылицы.

– А зачем им врать?

– Тогда скажи: кого больше погибло на войне – королей или солдат?

– Король один, а солдат много.

– А тебе одного мало? И с ним-то хлопот не оберешься.

Матиуш не верил своим ушам. Значит, это вранье, будто народ, особенно солдаты, души в нем не чают? Еще вчера он полагал, что инкогнито необходимо, не то от избытка чувств ему могут причинить телесные повреждения, а сегодня понял: узнай солдаты, кто он, это не вызвало бы у них никакого восторга.

Чудно: солдаты едут сражаться за короля, которого не любят.

Больше всего Матиуш боялся, как бы не стали ругать его отца. Но нет, его даже похвалили:

– Покойный король не любил войны. Сам в драку не лез и народ не гнал на убой.

У Матиуша отлегло от сердца. Приятно услышать доброе слово об отце.

– Чего королю на войне делать? Поспит на земле и расчихается. И блохи его заедят. А от запаха солдатских шинелей голова разболится. Больно кожа у них нежная и нюх деликатный.

Матиуш во всем любил справедливость, поэтому внутренне с ними согласился. В самом деле, поспал вчера на земле, а сегодня из носа течет, голова болит, и зудит все тело.

– Поехали! – вдруг крикнул кто-то.

Поезд тронулся и стал набирать скорость. И так всегда: скажет кто-нибудь – поезд, мол, простоит долго, а он неожиданно тронется. Солдаты вскакивали на ходу, а некоторые отставали от своего эшелона.

– Наверно, учат нас не зевать, – предположил кто-то.

Подъехали к большой станции. Так и есть: ждут прибытия какой-то важной персоны. На перроне флаги, почетный караул, дамы в белых платьях, двое детишек с огромными букетами.

– Королевским поездом на фронт едет сам военный министр.

Эшелон отвели на запасный путь, и там он простоял всю ночь. Матиуш, голодный, измученный, опечаленный, спал без сновидений, как убитый.

На рассвете приказали мыть и чистить вагоны. Поручик сам за всем присматривал и всюду совал свой нос.

– Надо, ребята, спрятать вас, не то скандал будет.

И вот на время уборки Матиуша с Фелеком пристроили в убогой будке стрелочника.

Жена стрелочника, женщина сердобольная, запричитала-заохала: ей от души было жаль мальчишек. Кроме того, ее разбирало любопытство. «У малых ребят скорей, пожалуй, что-нибудь выведаешь», – думала она.

– Ох, детки, детки!.. Кто же гнал вас на войну? Сидели бы лучше дома да в школу ходили. Откуда вы? Куда едете?

– Добрая хозяйюшка, – хмуро ответил Фелек, – отец наш, сержант, уезжая на войну, сказал на прощание: «У хорошего солдата ноги – чтобы шагать, руки – чтобы винтовку держать, глаза – смотреть, уши – слушать, а язык – чтобы его за зубами держать, пока их ложка с солдатской похлебкой не разожмет. Винтовка в солдатских руках – защита, а болтливый язык – враг, который целый взвод погубить может». Откуда мы едем – военная тайна. Мы ничего не знаем и не скажем.

Стрелочница от удивления рот разинула.

– Скажите на милость, ребенок, а рассуждает, как старик. И правильно делаете, детки. Шпионов нынче как собак нерезаных. Напялит на себя мундир – не отличишь от нашего – и шныряет среди войска. Выспросит все, вынюхает – и айда к своим.

Она преисполнилась к ним такого уважения, что не только чаем напоила, но еще и колбасы дала.

Матиушу завтрак показался особенно вкусным, потому что перед едой ему удалось умыться.

– Королевский поезд! Королевский поезд! – послышался крик.

Фелек с Матиушем влезли по приставной лестнице на крышу хлева, чтобы лучше видеть.

– Едет, едет!..

Пассажирский поезд, сверкая большими зеркальными окнами, подошел к перрону. Оркестр заиграл государственный гимн. В окне промелькнуло хорошо знакомое Матиушу лицо военного министра.

На миг их взгляды встретились. Матиуш вздрогнул и быстро отвернулся, испугавшись, как бы министр его не узнал.

Но испуг его был напрасен. Министру, занятому важными государственными делами, было не до мальчишек, которые, стоя на крыше хлева, таранились на королевский поезд, – это во-первых. Во-вторых, когда обнаружилось, что Матиуш исчез, канцлер велел хранить это в строжайшей тайне, и военного министра провожал на вокзал фальшивый Матиуш. Но об этом речь впереди.

А пока вернемся к военному министру. Министр иностранных дел велел ему приготовиться к войне с одним королем, а их оказалось три. Было над чем поломать голову. Легко сказать: «Иди и сражайся!» А как сражаться, когда сразу три государства войну объявили? Разобьешь одного или, допустим, двух, а третий все равно тебя одолеет.

«Солдат, пожалуй, хватит, – рассуждал министр, – а вот винтовок маловато, пушек и одежды тоже недостаточно».

И вот ему пришел в голову гениальный план: напасть внезапно на одного противника, захватить трофеи, а потом ударить по другому.

Почетный караул. Цветы. Музыка. Зрелище не из приятных для короля, стоявшего на крыше хлева.

«Все это по праву должно предназначаться мне», – подумал Матиуш.

Но как мальчик справедливый, он тут же одернул себя:

«Конечно, идти перед строем почетного караула под звуки торжественного марша, отдавать честь, получать букеты – приятно, слов нет. Но можно ли командовать войском, не зная географии?»

Матиуш, разумеется, мог показать по карте некоторые реки, горы, острова, знал, что Земля круглая и вращается вокруг своей оси, но этого, пожалуй, маловато, чтобы командовать армией. Надо знать все крепости, все дороги, каждую тропинку в лесу. Однажды его прапрадед одержал блестящую победу. А дело было так. Прапрадедушка затаился со своим войском в лесу, а ничего не подозревавший неприятель углубился в чащу.

Тогда старый король глухими тропами зашел неприятелю с тыла и разбил его наголову. Враг ожидал нападения с фронта, а на него напали сзади и еще в непроходимые болота загнали.

А он, Матиуш, знает свои леса и болота?

До сих пор не знал, а теперь узнает. Останься он в столице, ничего, кроме королевского парка не увидел бы. А теперь увидит всю свою страну.

Солдаты были правы, когда смеялись над Матиушем. Он в самом деле еще очень маленький и неопытный. Жалко, что война началась сейчас, а не года через два.

8

Теперь вернемся во дворец и посмотрим, что там произошло, когда стало известно об исчезновении короля.

Утром, как всегда, в королевскую опочивальню вошел главный дворецкий и глазам своим не поверил: окно раскрыто настежь, постель раскидана, а Матиуша нет.

Но дворецкий, надо отдать ему должное, не растерялся. Заперев спальню на ключ, он побежал к церемониймейстеру, растолкал его и зашептал на ухо:

– Ваше сиятельство, господин церемониймейстер, король пропал!..

Церемониймейстер втайне от всех позвонил канцлеру.

Десяти минут не прошло, как во дворец с бешеной скоростью примчались три автомобиля:

автомобиль канцлера,

автомобиль министра юстиции,

автомобиль обер-полицмейстера.

Короля похитили. Ясно, как дважды два – четыре. Это, несомненно, происки врага. Им это на руку: солдаты узнают об исчезновении короля, откажутся сражаться, и неприятель займет столицу без боя.

– Кому известно о похищении короля?

– Никому.

– Отлично.

– Необходимо установить, похищен король или убит. Господин обер-полицмейстер, даю вам час на расследование.

В королевском парке есть пруд. Может, короля утопили? Министру морского флота приказали срочно доставить во дворец водолазный костюм. Сам обер-полицмейстер облачился в

скафандр и опустился на дно. А матросы, стоя на берегу, накачивают насосом воздух, чтобы он не задохнулся. Но Матиуша в пруду не оказалось.

Во дворец вызвали старого доктора и министра торговли. Все делалось в величайшей тайне.

Но слуги почуяли что-то неладное: недаром министры с раннего утра носятся как угорелые.

И вот, чтобы положить конец кривотолкам, во дворце объявили: король Матиуш заболел, и доктор прописал ему раковый суп. Потому, дескать, обер-полицмейстер и нырнул в пруд.

Гувернеру сказали, что ввиду болезни Матиуша уроки временно отменяются.

Присутствие доктора убедило всех, что это правда.

– Ну хорошо, допустим, мы выиграли время до вечера, – сказал министр юстиции. – А дальше что?

– Я главный министр, и голова у меня на плечах не для украшения.

Прибыл министр торговли.

– Господин министр, помните ту куклу, которую король Матиуш велел сделать для этой девчонки?

– Еще бы! Министр финансов до сих пор мне этого простить не может. Транжирой меня обозвал.

– Так вот, немедленно поезжайте к фабриканту игрушек. К завтрашнему утру, если ему жизнь дорога, должна быть готова кукла, как две капли воды похожая на короля. Не забудьте захватить с собой фотографию Матиуша.

Обер-полицмейстер для отвода глаз вытащил из пруда с десяток раков. Их тотчас со всевозможными церемониями отослали на кухню. А доктора заставили под диктовку написать такой рецепт:

Rp. Раковый суп.

Ex¹ 10 раков dosis una².

D.S. Через два часа по столовой ложке.

Когда поставщику двора его королевского величества доложили, что его ждет в кабинете министр торговли, он просиял от удовольствия: «Наверно, опять что-нибудь взбрело в голову королю».

А заказ ему нужен был до зарезу, потому что отцы и дядюшки ушли на войну и подарков детям никто не покупал.

– Господин фабрикант, заказ срочный. Кукла должна быть готова к завтрашнему дню.

– Вы ставите меня в очень затруднительное положение. Почти все рабочие мобилизованы, на фабрике остались только женщины да больные. Кроме того, я завален работой: отцы, отправляясь на войну, покупают своим детям игрушки, чтобы они не плакали, не скучали и хорошо себя вели.

Фабрикант врал почем зря. В армию его рабочих не брали: они были худые, как скелеты. Ведь он платил им очень мало. Про заказы он тоже выдумал. Просто набивал себе цену.

А когда узнал, что кукла должна быть похожа на короля, у него даже глаза заблестели.

– Понимаете ли, – запинаясь, объяснял министр, – в нынешнее военное время королю часто нужно появляться на людях, разъезжать в карете по городу, чтобы никто не подумал, будто он боится и сидит взаперти во дворце. Вот мы и решили: зачем мучить ребенка и возить

¹ Из (лат.).

² одна доза (лат.).

его беспрерывно по городу? Может пойти дождик, и он простудится, или еще какая-нибудь беда приключится. А сейчас, вы сами понимаете, надо особенно беречь короля.

Но хитрого фабриканта было не легко провести. Он сразу смекнул, что здесь кроется какая-то тайна.

– Значит, к завтрашнему дню?

– К девяти утра.

Фабрикант взял карандаш и сделал вид, будто подсчитывает, во сколько обойдется ему кукла-король. Из любого фарфора ее не сделаешь, нужен самый высший сорт. Неизвестно, найдется ли столько на фабрике. Да, это будет стоить очень дорого. И рабочим придется заплатить побольше, чтобы держали язык за зубами. А тут, как назло, сломался станок. Надо за ремонт заплатить. Ну и другие заказы придется отложить. Он считал долго-долго.

– Господин министр, если бы не война... Но как патриот, я понимаю, что у государства сейчас огромные расходы на армию и пушки... так вот, если бы не война, я запросил бы вдвое больше. Но, принимая во внимание интересы государства, так и быть, сделаю подешевле, с убытком для себя. Однако это цена окончательная, и я ни копейки не уступлю.

И он назвал такую сумму, что министр ахнул:

– Ведь это грабеж!

– Господин министр, вы оскорбляете в моем лице национальную промышленность.

Министр не решился на свой страх и риск истратить столько денег и позвонил канцлеру. Боясь, как бы их разговор не подслушали, он вместо «кукла» сказал «пушка».

– Господин канцлер, пушка обойдется очень дорого.

Канцлер сразу понял, о чем идет речь.

– Не торгуйтесь, – сказал он, – только велите ему, чтобы, когда потянешь за веревочку, она отдавала честь.

«Что за диковина – пушка, отдающая честь?» – удивилась телефонистка.

– Тогда я отказываюсь делать куклу, – заартачился фабрикант. – Это не мое дело. Обращайтесь к королевскому механику или часовщику. Я честный фабрикант, а не шарлатан. Открывать и закрывать глаза – пожалуйста, это можно, но отдавать честь кукла не будет. Это мое последнее слово. И ни копейки меньше не возьму.

Взмокший от пота, усталый, голодный, приехал министр торговли домой. Взмокший от пота, усталый, голодный, во дворец возвратился обер-полицмейстер.

«В результате тщательного расследования установлены обстоятельства похищения короля. События развивались следующим образом. На голову спящему королю накинули мешок, вытащили через окно в парк и отнесли в малинник. Там его величество потерял сознание. Чтобы привести его в чувство, ему дали малины и вишен. На земле найдено шесть вишневых косточек. Когда его милость короля Матиуша перетаскивали через ограду, он оказал сопротивление: на коре дерева обнаружены следы голубой королевской крови. Чтобы обмануть погоню, его посадили верхом на корову. Следы коровьих копыт ведут к лесу, там же найден мешок. На опушке следы обрываются. Ясно, что короля где-то спрятали, но где – неизвестно. Расследование прекращено за недостатком времени. Допросить население нет возможности, так как приказано хранить тайну. Надо установить слежку за губернатором. Он ведет себя подозрительно: спрашивает, можно ли навестить Матиуша. Прилагаю вещественные доказательства: вишневые косточки и мешок».

Канцлер бережно положил мешок и косточки в сундук, запер сундук на огромный висячий замок, запечатал красным сургучом, а наверху написал по-латыни: *corpus delicti*³.

Так уж повелось на свете: если кто-нибудь чего-нибудь не знает или не хочет, чтобы узнали другие, он пишет по-латыни.

³ Вещественные доказательства, улики (*лат.*).

На другой день военный министр явился во дворец с прощальным визитом, а кукла-король сидит на троне – и ни гу-гу, только честь отдает. Объявления на всех перекрестках гласили: «Население столицы может спокойно трудиться – его величество король Матиуш будет ежедневно совершать прогулку по городу в открытом автомобиле».

9

План военного министра удался на славу. Неприятельские главнокомандующие – их было трое – думали, что войска короля Матиуша будут сражаться сразу на три фронта. А военный министр стянул между тем все силы в одно место и разбил неприятеля наголову. Он захватил богатую добычу и раздал винтовки, сапоги, вещевые мешки тем, у кого их не было.

Матиуш прибыл на фронт, как раз когда раздавали трофейное имущество.

– А это что за вояки? – удивился главный интендант.

– Такие же солдаты, как все, только ростом поменьше, – не растерялся Фелек.

Они с Матиушем выбрали себе по паре сапог, по револьверу, по винтовке и вещевому мешку. Фелеку даже обидно стало: напрасно получил взбучку из-за ремня и перочинного ножа! Но разве можно заранее предвидеть, какие неожиданности ждут тебя на войне!

Недаром их главнокомандующего называли недотепой и олухом. Вместо того, чтобы, захватив добычу, отступить и окопаться, он двинулся в глубь вражеской территории, занял, неизвестно зачем, пять или шесть городов и только тогда приказал рыть окопы. Но было уже поздно, на помощь отступающему врагу спешили союзники.

Солдаты ничего не знали. Это была военная тайна. На войне прикажут идти туда-то и туда-то, делать то-то и то-то – значит, иди, делай и не рассуждай.

Неприятельский город очень понравился Матиушу. На ночлег солдаты расположились в больших теплых комнатах. Спать на полу лучше, чем в крестьянских хатах или под открытым небом.

Матиуш с нетерпением ждал первой битвы. Много повидал и узнал он с тех пор, как убежал из дворца, но в сражении еще не участвовал. Как жалко, что их полк опоздал! На другой день они покинули занятый город и двинулись дальше.

Вдруг приказ:

– Стой! Окапывайся!

Что такое современная война, Матиуш понятия не имел. Он представлял себе войну так: на поле брани сражаются воины, потом победители на конях преследуют побежденных. А вот что солдаты роют окопы, устанавливают проволочные заграждения и сидят в этих окопах иногда по целым неделям, этого он не подозревал. Поэтому он не очень охотно взялся за работу. Кроме того, от усталости ломило кости. Сражаться – это королевское дело, а ковырять лопатой землю – занятие не для короля!

А тут приходит приказ за приказом: скорей, скорей! Враг близко.

Вдали слышались глухие пушечные раскаты.

Вдруг, прямо на позиции, прикатил на автомобиле саперный полковник. Ругается, размахивает кулаками, угрожает расстрелом.

«Завтра бой, – кричит он, – а они тут бездельничают...»

– А эти двое что здесь делают?! – в бешенстве заорал полковник.

Плохо пришлось бы нашим добровольцам, если бы над головами не загудел неприятельский аэроплан.

Полковник глянул в бинокль на небо, заторопился, сел в автомобиль и укатил – только его и видели! А тут – бух-бух-бух – разорвались три бомбы. Обошлось без жертв. Все успели спрятаться в окопы.

Этот случай многому научил Матиуша. Он больше не дулся, не сердился, а взялся за лопату и копал до тех пор, пока не изнемог от усталости. Потом свалился, как колода, на землю и заснул мертвым сном. Солдаты не будили его, а сами всю ночь напролет работали при вспышках ракет. На рассвете неприятель пошел в атаку.

Сначала показались четверо всадников – передовой разъезд, чтобы узнать и сообщить своим о расположении противника. Из окопов раздались выстрелы. Один всадник замертво свалился с лошади, другие ускакали прочь.

– К бою! – крикнул поручик. – Оставаться в окопах, винтовки на изготовку и ждать приказа.

Вскоре появился неприятель. Началась перестрелка. Но преимущество было на стороне наших: они сидели в окопах и вражеские пули со свистом и жужжанием пролетали над головами, не причиняя вреда. А неприятельские солдаты наступали по открытому месту, и пули так и косили их.

Матиуш понял: на войне приказы надо выполнять точно и быстро. Это штатским позволительно рассуждать, протестовать, а для военных приказ – это закон. Вперед – есть вперед! Назад – есть назад! Копать окопы – есть копать окопы!

Целый день продолжалось сражение. Наконец неприятель понял: так ничего не добьешься, только людей потеряешь. Колючая проволока оказалась непреодолимым препятствием. Поэтому он отступил и сам начал окапываться. Но одно дело рыть окопы спокойно, когда никто не мешает, а другое – под обстрелом.

Ночью перестрелка продолжалась при свете ракет. Выстрелы, правда, раздавались не так часто: усталые солдаты чередовались – одни стреляли, другие спали.

– Выстояли, – с гордостью говорили друг другу солдаты.

– Выстояли, – сообщил поручик в штаб по телефону.

К тому времени уже успели провести телефон.

Каково же было их удивление и гнев, когда на другой день был получен приказ отступить.

– Как?! – недоумевали солдаты. – Мы отрыли окопы, остановили врага, готовы сражаться не на жизнь, а на смерть – и вдруг отступить...

«На месте поручика я бы ни за что не подчинился приказу, – подумал Матиуш. – Это явное недоразумение. Пусть полковник приедет и сам убедится, как мы храбро сражаемся. У врага вон сколько убитых, а у нас только один раненный в руку: царапнула неприятельская пуля. Откуда полковник знает, сидя в штабе, как тут обстоят дела...»

И Матиуш чуть не крикнул: «Я, король Матиуш, запрещаю отступить! Король главнее полковника!»

Только боязнь, что ему не поверят и поднимут на смех, остановила его.

Однако Матиуш еще раз на собственном опыте убедился, как важно на войне в точности выполнять приказы.

Обидно было покидать с таким трудом вырытые окопы, жалко бросать запасы хлеба, сахара и сала. Горько было идти через деревню и слышать удивленные возгласы крестьян: «Как, вы отступаете?!»

По дороге нагнал их связной на лошади и вручил поручику приказ, в котором говорилось, чтобы они, не останавливаясь, шли как можно скорей.

Легко сказать – как можно скорей, а каково после двух бессонных ночей (одну ночь рыли окопы, вторую – сражались) идти без передышки? К тому же не хватало еды. И в довершение всего солдаты пали духом. Одно дело идти вперед – откуда только силы берутся, летишь как на крыльях. А вот отступить, да еще не по своей воле, всегда тяжело – словно гири к ногам привязаны.

Шли, шли – и вдруг выстрелы с обеих сторон, справа и слева.

– Ясно! – вскричал поручик. – Мы слишком далеко вырвались вперед, враг зашел с тыла и окружил нас. Еще немного, и в плен бы попали.

– Ну и влипши! Теперь придется из окружения выходить, – проворчал бывалый солдат.

Ох как это было тяжело! Теперь в окопах сидели неприятельские солдаты и обстреливали их с двух сторон, а они отступали под вражеским огнем.

10

Вот когда Матиуш понял, почему министры на заседании столько говорили о сапогах, сухарях и фураже.

Если бы не сухари, они умерли бы с голода. Три дня кроме сухарей у них ничего во рту не было. Спали по очереди, два-три часа в сутки. А ноги стерли в кровь, прямо, что называется, до костей.

Бесшумно, как тени, пробирались они лесными тропами. Поручик то и дело вынимал карту, искал овраг или заросли погуще, чтобы спрятаться.

Время от времени в отдалении появлялись неприятельские разведчики, выследят, в каком направлении они отступают, и мчатся с донесением к своим.

Матиуша было не узнать. Худой, как скелет, сгорбленный, он казался еще меньше ростом. Многие солдаты побросали винтовки, а он сжимал свою одеревеневшими пальцами.

Столько переживаний за несколько дней!

«Папочка, папочка, как тяжело быть королем, когда на твою страну напал враг! – с горечью думал Матиуш. – Сказать: «Я вас не боюсь и разобью в два счета, как мой прадед Павел Завоеватель», ничего не стоит. А победить – ох как трудно! Какой я был глупый, легкомысленный мальчишка! Мечтал, что поскачу на белом коне на войну, а жители столицы будут встречать меня с цветами. А сколько погибнет людей, об этом я не думал».

Неприятельские пули так и косили солдат, а Матиуш уцелел, может, благодаря маленькому росту.

Как они обрадовались, когда прорвались к своим! И окопы там уже отрыты.

«Теперь над нами смеяться будут», – подумал Матиуш.

Но скоро он убедился, что на войне тоже есть справедливость. Когда они наелись досыта и отоспались, их отправили в тыл, за пять километров от фронта, в маленький городишко, а на смену им пришли другие солдаты.

В городе тех, кто не бросил оружие, построили отдельно, и генерал обратился к ним с речью:

– Честь вам и хвала! Настоящие герои познаются во время поражения, а не при звуках фанфар!

– И эти мальцы здесь? – добродушно спросил саперный полковник, заметив в строю Матиуша и Фелека. – Да здравствуют отважные братья Крушигора и Вырвидуб!

С тех пор Фелека звали Крушигора, а Матиуша – Вырвидуб.

– Эй, Крушигора, принеси воды!

– Вырвидуб, подбрось-ка сучьев в костер!

Мальчики стали всеобщими любимцами.

На отдыхе до солдат дошла весть о том, что военный министр поссорился с главнокомандующим и помирил их король Матиуш.

Матиушу, конечно, не могло прийти в голову, что по улицам столицы разъезжает автомобиль, в котором сидит кукла-король и отдает честь. Он был еще мал и плохо разбирался в дипломатии.

Отдохнув, они снова вернулись на передний край. Началась так называемая позиционная война: обе воюющие стороны засели в окопах, стреляли друг в друга, но пули пролетали над

головами, не причиняя вреда. Когда надоедало сидеть, зарывшись в землю, ходили в атаку. Случалось, километра на два продвигались вперед или отступали назад.

Солдаты совсем освоились в окопах: расхаживали как по коридору, пели, шутили, играли в карты, а Матиуш прилежно учился. Занимался с ним поручик, который изнемогал от скуки. Утром расставит дозорных в секреты, чтобы следили, не идет ли неприятель в атаку, позвонит в штаб, сообщит, что все в порядке, – вот и все дела!

Для поручика занятия с Матиушем были развлечением. А Матиушу очень хотелось учиться. Сидит он в окопе, учит географию, в вышине звенят жаворонки, время от времени прогремит вдали выстрел – и опять тихо.

Но вдруг будто бешеные псы завоют. Это мелкокалиберные полевые орудия.

А потом – бух! бух! Это большая пушка.

И пошло... Винтовки квакают, как жабы. Свист, вой, грохот – бух, бабах!..

И так полчаса, час. Иногда в окоп попадет снаряд, разорвется, уложит на месте несколько человек, нескольких ранит.

Но остальные не трусят – привыкли.

«Жалко, хороший был товарищ. Вечная ему память», – скажут солдаты.

Раненым сделают перевязку, а ночью отправят в полевой госпиталь.

На войне как на войне.

Не миновала пуля и Матиуша. Рана, правда, пустяковая, даже кость не задело. В госпиталь идти не хотелось, но врач настаивал, и пришлось подчиниться.

Впервые за четыре месяца в постели! Какое блаженство! Матрац, подушка, одеяло, белоснежная простыня, полотенце, возле кровати тумбочка, кружка, тарелка, ложка (жалкое подобие той, какой он ел в королевском дворце).

Рана заживала быстро. Сестры и врачи полюбили Матиуша, и все бы хорошо, если бы не страх, что его узнают.

– Смотрите, как он похож на короля Матиуша! – заметила как-то жена полковника.

– Да, да, мне его лицо тоже показалось знакомым.

Хотели даже послать его фотографию в газету.

– Ни за что! – наотрез отказался Матиуш.

– Глупый, – говорили ему, – король Матиуш увидит в газете фотографию такого маленького солдата и наградит тебя медалью. Или отцу пошлешь фотографию, то-то он обрадуется!

– Нет и нет! – твердил Матиуш.

Надоели ему эти разговоры: он не на шутку боялся, как бы не обнаружилось, кто он.

– Оставьте его в покое. Мальчик прав. Король Матиуш, чего доброго, воспримет это как намек: ты, мол, на автомобиле по городу разъезжаешь, а твои ровесники на войне жизнью рискуют.

«Черт возьми, о каком это Матиуше они толкуют?» Юный король давно махнул рукой на придворные манеры и выражался, как его товарищи-солдаты.

«Хорошо, что я убежал на фронт!» – не в первый раз подумал Матиуш.

Его не хотели выписывать из госпиталя, просили остаться. Говорили, он будет разносить раненым чай, помогать на кухне...

Но Матиуш отказался.

Ни за что на свете! Пусть мнимый король разъезжает по городу, раздает раненым подарки, принимает участие в торжественных похоронах офицеров, место настоящего короля – в окопах!

И Матиуш вернулся к своим товарищам на передовую.

11

– А где же Фелек?

Фелеку надоело прозябать в окопах. Парень он был живой, ни секунды не посидит на месте. А тут целыми неделями сиди, скорчившись, даже головы не смей высунуть, не то раздастся выстрел и от поручика достанется.

– Спрячешь ты свою дурацкую башку или нет? – ругается поручик. – Подстрелят тебя, дурака, и возись потом с тобой: перевязку делай, в госпиталь вези. И без тебя хлопот хватает.

Отчитал его поручик раз-другой, а потом посадил на гауптвахту на три дня на хлеб и воду.

Послушайте, за что.

Однажды ночью неприятельских солдат отвели на отдых, в тыл, а на их место пришли новые. Окопы расположены были близко; из одного крикнешь – в другом слышно. Началась перебранка между новичками и нашими.

– У вас король – сопляк!

– А ваш – старая галоша!

– Эй вы, голь перекатная! У вас сапоги каши просят!

– А у вас рожи от голода вытянулись! Бурду вместо кофе лакаете!

– Иди попробуй!

– Как волки голодные! Не накормишь вас, когда в плен попадете.

– А вы оборванцы!

– Здорово вы драпанули!

– Зато всыпали вам напоследок по первое число!

– Горе-стрелки! Вам бы в лягушек палить из пушек!

– Сами хороши!

– Мы-то умеем стрелять!

Тут Фелек не выдержал, выскочил из окопа, повернулся к ним задом, задрал шинель и крикнул:

– А ну стреляйте!

Пиф-паф!.. – прогремело четыре выстрела и... мимо.

– Эх вы, стрелки!

Солдаты хохотали до упаду, а поручик рассвирепел и посадил Фелека под арест в глубокую яму, обшитую досками.

Откуда доски? – спросите вы. Солдаты разбирали разрушенные избы и обшивали досками стены в окопах, делали настил на земле, навесы для защиты от дождя.

Фелек просидел в яме всего два дня. Поручик его простил. Но Фелек не забыл обиды.

– Не хочу больше служить в пехоте!

– А куда же ты пойдешь?

– На аэропланах буду летать!

В государстве Матиуша не хватало бензина. А чем тяжелее груз, тем больше расходуется горючего. Поэтому был отдан приказ: в легчики брать самых тощих солдат.

– Иди и ты, колбасник! – подшучивали солдаты над одним толстяком.

Шутки шутками, а Фелека решили отправить в авиацию. Двенадцатилетний мальчик – это настоящая находка! Разве найдешь легче? Пилот будет управлять самолетом, а Фелек бомбы сбрасывать.

Матиуш не знал, радоваться или огорчаться, что Фелека нет.

Фелек был единственным человеком, посвященным в его тайну. И хотя Матиуш сам просил называть себя Томеком, ему было неприятно, когда Фелек обращался с ним, как с ровней,

а то и вовсе свысока. Фелек был старше. Он пил водку, курил, а когда угощали Матиуша, то неизменно говорил:

– Не давайте ему, он маленький!

Матиуша не соблазнили ни водка, ни курево, но он предпочитал отвечать за себя сам и в адвокате не нуждался.

А когда ночью предстояло идти в разведку, Фелек подстраивал всегда так, что брали его, а не Матиуша.

– Не берите Томека! Какая от него польза? – говорил он.

Разведка – дело опасное и трудное. Подползают на животе к позициям врага, перерезают ножницами колючую проволоку и захватывают «языка». Иногда часами лежат не шелохнувшись, одно неосторожное движение – и небо освещается ракетами, а по смельчакам открывают пальбу. Солдаты жалели Матиуша – он был маленький и слабый – и чаще брали с собой Фелека. А Матиушу было обидно.

Теперь Матиуш стал незаменим в отряде. То патроны отнесет дозорным, то пролезет под колючей проволокой и подползет к неприятельским окопам, а два раза даже во вражеский стан пробирался.

Переодели Матиуша пастушонком. Он подлез под колючую проволоку, прошел версты две, сел перед разрушенной хатой и притворился, будто плачет.

Мимо шел солдат, увидел его и спрашивает:

– Ты чего плачешь, мальчик?

– Как же мне не плакать? – отвечает Матиуш. – Дом наш сожгли, мама куда-то пропала...

Матиуша отвели в штаб, напоили горячим кофе... И ему стало не по себе: его накормили, куртку старую дали, потому что он дрожал от холода (для отвода глаз свои нарочно надели на него всякую рвань), а он обманет их, предаст. За добро отплатит злом.

И Матиуш про себя решил ничего своим не говорить. Пусть считают его дурачком и не посылают больше в разведку. «Не хочу быть шпионом», – подумал Матиуш.

Но тут его вызвали к офицеру.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил офицер.

– Томек.

– Слушай внимательно, Томек, что я тебе скажу. Ты можешь оставаться в отряде, пока не вернется твоя мама. Тебе выдадут обмундирование, котелок, деньги, еду будешь получать из полевой кухни. Но за это ты должен пробраться к врагам и разведать, где у них пороховой склад.

– А что это такое? – Матиуш прикинулся простачком.

Его повели в пороховой склад, где хранились снаряды, бомбы, гранаты, порох, патроны.

– Понял теперь?

– Понял.

– Так вот узнай, где находится у них такой склад, возвращайся и расскажи нам.

– Хорошо, – согласился Матиуш.

Офицер на радостях подарил Матиушу плитку шоколада.

«Ах вот вы какие! – Матиуша перестали мучить угрызения совести. – Лучше быть шпионом у своих, чем у врага».

Его вывели на дорогу и дали несколько залпов в воздух, чтобы сбить противника с толку.

Довольный, возвращался Матиуш к своим. То на животе ползет, то на четвереньках и жует шоколад.

Вдруг – бах, бах!.. Это свои открыли по нему огонь. Солдаты заметили – кто-то крадется, а кто, не знают.

– Выпустить три ракеты! – приказал поручик, взял бинокль и, направив его в ту сторону, даже побледнел от страха.

– Прекратить огонь! Это Вырвидуб возвращается с задания.

Без помех вернулся Матиуш к своим, рассказал, что и как. Поручик немедленно позвонил артиллеристам, приказал прямой наводкой бить по пороховому складу. Артиллеристы двенадцать раз промазали, а на тринадцатый попали прямо в цель. Раздался грохот, пламя полыхнуло до неба, все заволокло дымом – даже дышать стало нечем.

В неприятельских окопах поднялась паника. А поручик взял Матиуша на руки, подбросил вверх и три раза прокричал:

– Молодец, Томек! Молодец! Молодец!

Все хорошо, что хорошо кончается. С той поры в роте еще больше полюбили Матиуша. Солдатам в награду выдали бочку водки, и они три дня и три ночи спали спокойно – ведь у противника не осталось ни одного снаряда. Поручик даже разрешил вылезти из окопов – поразмяться. Враги злились, но сделать ничего не могли.

Снова потянулись однообразные военные будни. Днем занятия с поручиком, наряды, дежурства, перестрелки. А когда затяжные осенние дожди размывали земляные укрепления, Матиуш выходил с лопатой на работу.

«Странно, я мечтал изобрести увеличительное стекло, чтобы взорвать на расстоянии неприятельский пороховой склад. И мечта сбылась, хоть и не совсем так, как я думал».

Миновала осень. Наступила зима.

Выпал снег. Солдатам выдали теплое обмундирование. Кругом стало тихо и белымбело.

12

В это время Матиуш усвоил еще одну важную истину. Солдаты не могут вечно сидеть в окопах, иначе война никогда не кончится.

Пока на фронте было затишье, в столице кипела работа: в главном штабе разрабатывали план наступления. План заключался в следующем: собрать все силы в кулак, внезапно ударить по врагу и прорвать линию фронта. Противнику волей-неволей придется отступить, потому что в прорыв устремятся войска, зайдут с тыла и начнется бой не на жизнь, а на смерть.

Зимой поручику присвоили звание капитана. Матиуша наградили медалью. Как он обрадовался! Их отряд дважды отмечали в приказе по армии за отличное выполнение боевых заданий.

Как-то к ним в окопы явился важный генерал и зачитал приказ:

– «От имени его величества короля Матиуша Первого выношу роте благодарность за уничтожение вражеского порохового склада и за отвагу, проявленную в боях за родину. Возлагаю на роту почетное и тайное задание: с наступлением тепла прорвать линию фронта».

Это было большой честью.

Начались тайные приготовления. Подвезли снаряды, пушки. За передовой стояла наготове конница.

Солдаты поглядывают на солнышко. Ждут не дождутся теплых дней. Так и рвутся в бой!

Капитан придумал такую хитрость: чтобы ввести в заблуждение врага, будто у них мало сил, послать в атаку сначала только половину роты. Пусть постреляют для вида и возвращаются в окопы. А на другой день выступит вся рота и опрокинет легковерного противника.

Сказано – сделано.

Полроты пошло в атаку. Перед атакой капитан приказал артиллеристам открыть огонь по проволочным заграждениям, чтобы прорвать их и облегчить путь пехоте.

– Вперед! – скомандовал капитан.

Ох, до чего хорошо вырваться из затхлых, сырых окопов, мчаться во весь дух и кричать: «Ура! Вперед!» Враги увидели – прямо на них с винтовками наперевес бегут солдаты, и до того

испугались, что даже не стреляли. Наши уже добежали до разорванной снарядами колючей проволоки, но тут послышалась команда к отступлению.

Матиуш с несколькими солдатами забежал слишком далеко, не услышал команды и попал в плен.

– Ага, трусили! Бежали как ошалелые, орали, будто невесть сколько их, а нас увидели – давай бог ноги! – в отместку за свою растерянность и страх издевались над пленными неприятельские солдаты.

Опять шел Матиуш в штаб, только не переодетый, как в прошлый раз, а в шинели. Теперь он был военнопленный.

– Ага, попался, голубчик! – узнав его, злобно воскликнул офицер. – Это из-за тебя взорвали зимой наш пороховой склад! Теперь ты так легко не отделаешься... Солдат отвести в лагерь для военнопленных, а мальчишка, как шпион, будет повешен.

– Я – солдат! – запротестовал Матиуш. – Вы имеете право меня расстрелять, но не вешать!

– Ишь какой умник выискался! То он Томек, то солдат. Нет, голубчик, теперь-то мы тебя повесим как предателя.

– Права не имеете! – настаивал на своем Матиуш. – Тогда я тоже был солдатом. Перешел фронт по заданию командира и нарочно сел перед разрушенной хатой.

– Ну, довольно болтать! Отвести его под усиленной охраной в тюрьму. Военный суд завтра разберется. Если ты и вправду был солдатом, может, повезет тебе – получишь пулю в лоб, хотя я предпочел бы тебя вздернуть.

На другой день состоялся суд.

– Я обвиняю этого мальчишка в том, – сказал на суде офицер, – что он зимой выследил, где находится наш пороховой склад, и донес врагу. Неприятельская артиллерия двенадцать раз промазала, на тринадцатый попала в цель, и склад взлетел на воздух.

– Признаешь ли ты себя виновным? – спросил седой генерал-судья.

– Нет! Все было не так. Этот офицер сам показал мне пороховой склад, велел разузнать, где у нас хранятся порох и снаряды, и донести ему. И в награду дал плитку шоколада... Разве я неправду говорю?

Офицер покраснел. Местонахождение пороховых складов – военная тайна, и он никому не имел права выдавать ее.

– Меня послали в разведку, а ваш офицер хотел сделать из меня шпиона.

– Да я не думал... Не знал... Не предполагал... Не сообразил... – оправдывался, заикаясь от волнения, офицер.

– Стыд и позор! – перебил его старый генерал. – Вас обвел вокруг пальца маленький мальчик. Вы поступили плохо и понесете за это заслуженное наказание. Но мальчик тоже виноват, и мы не можем его оправдать. Предоставляю слово адвокату.

– Господа судьи! – начал свою речь защитник. – Подсудимый, который называет себя то Вырвидубом, то Томеком по фамилии Палец, не виновен. Как солдат он обязан был подчиниться приказу командира. Его послали в разведку, и он пошел. Его, как и остальных, надо отправить в лагерь для военнопленных – таково мое мнение.

Генерал в душе обрадовался: ему было жалко мальчишка. Но не подал виду: военным не полагается сочувствовать неприятельским солдатам.

Он склонился над книгой, где были записаны все военные законы, и стал искать место о военных шпионах.

– Ага, вот оно, нашел, – сказал он наконец. – «Гражданские лица, которые передают врагу сведения за денежное вознаграждение, подлежат повешению, а военные шпионы – расстрелу. В случае, если адвокат не согласен с решением суда, дело передается в высшую инстанцию и приведение приговора в исполнение откладывается».

– Я с решением суда не согласен, – заявил адвокат, – и требую передачи дела в высшую инстанцию.

Генерал и остальные судьи согласились.

Матиуша снова отвели в тюрьму. Тюрьмой называлась обыкновенная крестьянская хата. Больших каменных домов с решетками на окнах на фронте нет. Такая «роскошь» бывает только в городах. Под окнами и перед дверью хаты-тюрьмы поставили по двое часовых с винтовками и пистолетами.

Размышляет Матиуш о своей судьбе, но духом не падает, не теряет надежды: «Хотели меня повесить – и не повесили. Может, и пуля меня минет. Столько их над моей головой пролетало, а я – жив».

Он с аппетитом поужинал. Еда была очень вкусная. По существующему обычаю, приговоренных к смерти принято кормить сытно и вкусно. А Матиуша считали обреченным.

Сидит Матиуш у окошка и смотрит, как в небе кружат самолеты. «Наши или неприятельские?» Не успел он додумать, как рядом с тюрьмой разорвались одновременно три бомбы.

Что было потом, Матиуш не помнил. Бомбы посыпались градом. Одна угодила в хату-тюрьму, и все перевернулось вверх дном. Послышались крики, стоны, грохот... Матиуш почувствовал, как его взяли на руки, но он не мог поднять головы. В ушах стоял нескончаемый шум. Очнулся он на широкой кровати в роскошно обставленной комнате.

13

– Как вы себя чувствуете, ваше королевское величество? – вытягиваясь в струнку, спросил тот самый старик-генерал, который зимой вручал ему медаль.

– Я – Томек Палец, Вырвидуб, рядовой солдат, господин генерал! – вскричал Матиуш, вскакивая с кровати.

– Сейчас мы это проверим, – засмеялся генерал. – Эй, позвать сюда Фелека!

Вошел Фелек в форме пилота.

– Скажи-ка, Фелек, кто это?

– Его величество король Матиуш Первый.

Упорствовать дольше не имело смысла. Для поднятия духа солдат и всего народа необходимо было сообщить, что король Матиуш жив и находится на фронте.

– В состоянии ли ваше величество принять участие в военном совете?

– Да.

На военном совете Матиуш узнал следующее: по городу возили в автомобиле фарфоровую куклу. А во время аудиенции канцлер сажал куклу на трон, незаметно дергал за веревочку, и кукла кивала головой и отдавала честь.

В автомобиль куклу вносили на руках. Король Матиуш, сообщали в газетах, дал обет до тех пор не ступать ногой на землю, пока последний враг не будет изгнан из страны.

Уловка удалась: люди поверили. Хотя казалось немного странным, что Матиуш и на троне, и в автомобиле всегда сидит в одной и той же позе, никогда не улыбнется, слова не вымолвит, только головой кивает да честь отдает.

И вот по городу поползли зловещие слухи. Весть о таинственном исчезновении Матиуша просочилась сквозь толстые стены дворца.

Во вражеском стане тоже знали кое о чем из донесений шпионов, но особого значения этому до поры до времени не придавали. Была зима, а зимой на фронте обычно затишье.

Но когда стало известно, что войска Матиуша готовятся к наступлению, враги забили тревогу, засуетились и в конце концов вывели тайну.

А накануне наступления подкупили какого-то шалопая, он метнул камень и угодил прямо в куклу-короля.

Голова у фарфоровой куклы разбилась, и только рука продолжала приветственно подниматься. Столица была в смятении: одни впали в отчаяние, другие негодовали, что их так бессовестно обманули, третьи просто смеялись.

На другой день после вылазки, в результате которой Матиуш попал в плен, над окопами показались вражеские аэропланы, но они сбрасывали не бомбы, а листовки.

«Солдаты! Министры и генералы вас обманывают. Короля Матиуша нет. На троне с первых дней войны сидит фарфоровая кукла. Теперь, когда ее разбили, вы можете сами убедиться в этом! Бросайте оружие! Расходитесь по домам!»

С превеликим трудом уговорили солдат немного подождать. Но ни о каком наступлении не могло быть и речи.

Тогда Фелек без утайки рассказал все как есть.

Генералы обрадовались, позвонили капитану и приказали немедленно доставить Матиуша в штаб. Вообразите их растерянность и ужас, когда они узнали, что Матиуш в плену!

Как быть?

Сказать возмущенным солдатам, что король Матиуш в плену? Раз обманутые, они ничему больше не поверят. На чрезвычайном военном совете постановили атаковать врага с воздуха и в суматохе выкрасть Матиуша.

Аэропланы разделили на четыре эскадрильи: одна получила задание бомбить лагерь для военнопленных, другая – тюрьму, третья – пороховой склад, четвертая – штаб.

Так и сделали. Сбросили бомбы на дом, где размещался штаб. Офицеры в панике разбежались, и некому стало командовать. Бомбили и место, где, предположительно, находился пороховой склад, но на этот раз получилась осечка: порохового склада там не оказалось. Отряд пехоты под прикрытием авиации ворвался в лагерь для военнопленных, но, как известно, Матиуша там не было. Наконец с трудом разыскали его в тюрьме и без чувств доставили к своим.

– Задание выполнено отлично! Сколько мы потеряли аэропланов?

– Вылетело тридцать четыре, вернулось пятнадцать.

– Сколько времени продолжалась операция?

– Сорок минут с момента вылета до посадки на свои базы.

– Отлично, – сказал Матиуш. – Итак, на завтра генеральное сражение.

Офицеры пришли в восторг: «Вот здорово! Солдаты узнают, что король Матиуш жив и сражался бок о бок с ними как рядовой солдат, а завтра поведет их в атаку. За такого короля солдаты будут драться, как львы».

Застрекотал телеграф, затрещал телефон: на фронт и в столицу передавали срочные сообщения.

Ночью вышли экстренные выпуски всех газет. В газетах жирным шрифтом были напечатаны два воззвания: к народу и к солдатам.

Возмущенная толпа собралась перед особняком государственного канцлера. Раздавались крики, свист, брань, улюлюканье...

Перепуганные министры, как вороны, слетелись в ту ночь во дворец. Во что бы то ни стало надо выкручиваться и спасти свои шкуры! И в обращении к народу они написали: «Это было продиктовано государственными интересами».

Небывалое воодушевление охватило войска. Солдаты рвались в бой. С нетерпением ждали они наступления утра и непрерывно спрашивали, который час.

На рассвете началась атака.

Против Матиуша воевали три короля. Одного сразу разбили в пух и прах и взяли в плен. Другого потрепали так, что раньше, чем месяца через три, ему не оправиться: у него захватили почти все пушки и половина солдат попала в плен. Остался третий король. Его войска находились в резерве.

Когда битва кончилась, собрался военный совет. На совет экстренным поездом прибыл из столицы военный министр.

Предстояло решить вопрос: преследовать неприятеля или нет?

– Преследовать! – категорически заявил главнокомандующий. – Уж если с двумя справились, то одного и подавно одолеем.

– Я не согласен! – возразил военный министр.

Началась перебранка.

Все ждали, что скажет Матиуш.

Слов нет, Матиушу очень хотелось преследовать врагов, которые собирались его повесить. И потом, погоня – это значит, на лошадях, а Матиуш за всю войну ни разу еще не ездил верхом. Сколько замечательных историй слышал он о том, как короли сражались и побеждали верхами на конях. А он только на животе ползал да сидел, скрючившись, в окопах... Хоть разок погарцевать бы на коне!

Но Матиуш вспомнил, как в самом начале войны они углубились слишком далеко на территорию противника и из-за этого чуть не проиграли войну. Вспомнил, что солдаты не уважали главнокомандующего, называли его недотепой. Вспомнил и обещание, которое на прощальной аудиенции дал чужеземным послам: победить, но условия мира продиктовать необременительные.

Матиуш долго молчал, и все молча ждали.

– Где пленный король? – спросил он наконец.

– Здесь недалеко.

– Привести его сюда.

Ввели пленного короля в оковах.

– Снять оковы! – приказал Матиуш.

Королевский приказ немедленно привели в исполнение. Рослые часовые вплотную придвинулись к пленнику, чтобы он не убежал.

– Победенный король! – сказал Матиуш. – Я по себе знаю, как тяжела неволя. Поэтому я дарю тебе свободу. Забирай остатки своего войска и уходи из моей страны.

Победенного короля отвезли на автомобиле к границе, а дальше он пешком потопал восвояси.

14

На другой день Матиуш получил ноту, подписанную тремя королями:

Король Матиуш,

Ты мужественный, мудрый и благородный правитель. Давай забудем вражду и будем жить в мире. Мы покидаем твою страну и уходим к себе. Согласен ли ты мириться?

Матиуш, конечно, был согласен.

Солдаты ликовали. Ликовали их жены, матери и дети. Кое-кто, правда, не испытывал радости; это были мошенники, для которых война – средство обогатиться. Но таких было немного.

На всех станциях по пути в столицу Матиуша радостно приветствовали.

На знакомом полустанке он велел остановить поезд и отправился навестить добрую стрелочницу.

– Пришел к вам кофе пить, – улыбаясь, сказал Матиуш.

Добрая стрелочница не знала, куда посадить дорогого гостя.

– Честь-то, честь какая... – бормотала она, и из глаз у нее катились слезы.

В столице короля возле вокзала ждал автомобиль. Но Матиуш потребовал белого коня. Церемониймейстер схватился за голову, хотя в глубине души одобрил Матиуша: «Молодец! Королю полагается возвращаться с войны на коне, а не на резиновых шинах».

Матиуш медленно ехал верхом по улице, а изо всех окон высовывались люди, и особенно много было всюду детей. Они бросали цветы под копыта коня и громко кричали:

– Да здравствует король Матиуш! Да здравствует король Матиуш! Ура, ура!..

Матиуш старался сидеть в седле прямо, но силы были на исходе. Атака, плен, освобождение, военный совет, битва, триумфальное возвращение в столицу – все это утомило его. В голове шумело, перед глазами плыли огненные круги.

А тут еще какого-то шалопаю угораздило подбросить вверх шапку, да так ловко, что она угодила прямо в морду лошади. Пугливый норовистый конь из королевской конюшни шарахнулся в сторону, и Матиуш, не удержавшись в седле, упал на мостовую.

Его тотчас же подхватили на руки, уложили в карету и галопом помчали во дворец.

Матиуш не расшибся, не потерял сознания, только погрузился в глубокий сон. Он спал, спал, спал до вечера, с вечера до утра, с утра до обеда.

– Жрать давайте, сто тысяч чертей! – гаркнул он, едва продрал глаза.

Лакеи побелели от страха.

Через минуту на кровати, около кровати, под кроватью стояло сто блюд с разными лакомствами.

– Немедленно убрать эти заморские деликатесы! – крикнул Матиуш. – Подать сюда тушеную капусту с колбасой и пиво!

Беда! Катастрофа! Несчастье! В королевском буфете – ни кусочка колбасы. Спасибо, выручил сержант дворцовой стражи.

– Погодите вы у меня, маменькины сынки, слюнтяи, бездельники, неженки, мямли, белоручки, растяпы, вот я возьмусь за вас! – посыпалось как из рога изобилия. Матиуш уплетал колбасу так, что за ушами трещало, и посмеивался про себя: «Ничего, будут по крайней мере знать, что с войны вернулся настоящий король, которого надо слушаться!»

Он предчувствовал: после победы на войне его ждут не менее серьезные сражения с министрами.

Еще на фронте до него дошли слухи, что министр финансов рвет и мечет от ярости: «Хорош победитель! А контрибуция где? Испокон века ведется, проиграл войну – плати контрибуцию! Ишь какой благородный! Ну и пусть сам хозяйничает, когда казна пуста. Посмотрим, чем заплатит он фабрикантам за пушки, сапожникам – за сапоги, за овес, горох, крупу – поставщикам. Пока шла война, они терпеливо ждали, а теперь требуют платы. А где взять денег, если в казне ни гроша!»

Вне себя был и министр иностранных дел: «Где это видано – заключить мир без министра иностранных дел! Пустое место я, что ли? Даже чиновники надо мной смеются!»

А к министру торговли пристал как с ножом к горлу фабрикант игрушек: «Плати за фарфоровую куклу – и никаких гвоздей!»

У канцлера совесть была нечиста. И обер-полицеймейстер боялся, как бы не узнали про его нелепые попытки найти короля.

Матиуш кое-что знал, кое о чем догадывался и решил навести порядок: «Хватит, повластывали! Пусть повинуются или убираются вон!» Нет, теперь он не станет просить канцлера остаться на своем посту, если тот прикинется больным.

Король облизал сальные губы, сплюнул на ковер и приказал вылить на себя ведро холодной воды.

– Вот это я понимаю, – настоящий солдатский душ! – удовлетворенно сказал он, надел на голову корону и пошел в аудиенц-зал. Там он застал только одного военного министра.

– А остальные где?

– Ваша милость, они не знали, что вы пожелаете заседать.

– Может, они воображают, что я, как до войны, засяду за уроки, с гувернером? А они будут делать, что им заблагорассудится? Не видать им этого, черт возьми, как своих ушей! Чтобы ровно в два часа все были в сборе. Такова моя королевская воля! Когда министры соберутся, повелеваю вам вызвать во дворец гвардейцев. Офицеру стоять у двери и ждать сигнала: когда я хлопну в ладоши, пусть входит с гвардейцами в зал. Скажу вам прямо, господин военный министр: если они захотят, чтобы все осталось по-старому, как до войны, я велю их арестовать, сто тысяч чертей и бочка пороха им в зубы! Только это тайна.

– Слушаюсь, ваше королевское величество! – Военный министр вытянул руки по швам и щелкнул каблуками.

Матиуш снял с головы корону и побежал в королевский парк. «Как давно я здесь не был!» – подумал он и, вспомнив Фелека, свистнул. В ответ послышалось: «Ку-ку! Ку-ку!»

– Иди сюда, Фелек, не бойся! Теперь я настоящий король и не обязан ни перед кем отчитываться.

– А что скажет мой отец?

– Отцу скажешь, что ты королевский фаворит, и он тебя пальцем не посмеет тронуть!

– Кабы ваше величество соизволили выдать мне охранную грамоту...

– С удовольствием. Пойдем ко мне в кабинет.

Приглашать Фелека дважды не понадобилось...

– Господин статс-секретарь, прошу издать указ: с сегодняшнего дня Фелек назначается моим фаворитом.

– Ваше величество, осмелюсь доложить, такой должности при дворе никогда не было.

– А теперь будет! Такова моя королевская воля!

– Соблаговолите, ваше величество, подождать до заседания министров. Задержка пустяковая, зато все формальности будут соблюдены.

Матиуш уже готов был согласиться, но Фелек дернул его за рукав.

– Я требую, чтобы бумага была написана немедленно! – вспыхнул король.

Секретарь почесал за ухом и написал две бумаги. В одной говорилось:

Я, король Матиуш Первый, категорически требую, чтобы немедленно был написан и скреплен королевской печатью указ о назначении Фелека придворным фаворитом. В случае непослушания виновному грозит суровая кара. Довожу сие до сведения статс-секретаря и собственноручной подписью удостоверяю.

Секретарь объяснил Матиушу, что иначе он не решился бы написать вторую бумагу о назначении Фелека придворным фаворитом. Матиуш сделал так, как просил статс-секретарь, и Фелек стал королевским фаворитом.

Матиуш показал Фелеку свои игрушки, книги. Они болтали, вспоминали войну, потом вместе пообедали, а после обеда побежали в парк.

Фелек позвал своих товарищей, и они весело провели время до заседания министров.

– Мне пора, – грустно сказал Матиуш.

– Будь я королем, нипочем не стал бы никого слушаться.

– Ты, Фелек, не понимаешь: мы, короли, не всегда делаем то, что нам хочется.

Фелек пожал плечами, выражая этим свое несогласие, и неохотно побрел домой. Хотя в кармане у него лежал приказ, подписанный самим королем, он чувствовал, что дома встретит его суровый взгляд отца и знакомый окрик: «Поди-ка сюда, бездельник! Ты где это пропадал?»

Что следует обычно за этим коварным вопросом, Фелек отлично знал. «Но сегодня – другое дело», – утешал он себя.

Заседание началось. Министры жаловались и роптали. «Казна пуста», – сетовал министр финансов. «Купцы во время войны разорились и теперь не платят налогов», – говорил министр торговли. «Вагоны после перевозки грузов на фронт пришли в негодность, требуется ремонт, а денег нет», – докладывал министр железных дорог. «Пока отцы были на войне, мальчишки совсем распустились, и учителя требуют, чтобы им повысили жалованье и вставили выбитые стекла», – заявил министр просвещения. «Поля не засеяны...», «Товаров мало...» И так целый час – жалобы, нарекания...

Канцлер выпил стакан воды. Это означало, что он намерен произнести длинную речь. Матиуш страшно не любил, когда канцлер пил воду.

– Господа, сегодняшнее заседание ни на что не похоже! Люди несведущие могут подумать, будто здесь собрались побежденные. А ведь мы победили! До сих пор было так: побежденные платили победителям контрибуцию. И это совершенно справедливо, потому что войну выигрывает тот, кто не скупится на пушки, порох, провизию для солдат. Мы не жалели денег и одержали победу. Наш отважный король Матиуш мог сам убедиться, что солдаты на фронте ни в чем не нуждались. Так почему же, спрашивается, мы должны терпеть нужду в деньгах? Они первые напали на нас, но мы проявили великодушие и простили их. Спору нет, это очень благородно с нашей стороны. Но зачем же отказываться от контрибуции, то есть от возмещения военных расходов? От того, что принадлежит нам по праву? Отважный король Матиуш в порыве великодушия помиловал врагов – это поистине достойный и мудрый поступок. Однако отказ от контрибуции создал в стране исключительно тяжелое финансовое положение. Конечно, дело это поправимое, недаром мы прочли столько ученых книг, у нас за плечами колоссальный опыт, и если его величество король Матиуш соблаговолит отнестись к нам с прежним доверием, если он, как до войны, будет прислушиваться к нашим советам...

– Господин канцлер, кончайте эту волюнку. Меня не проведешь, тут дело не в советах – просто вы по-прежнему хотите управлять страной, а я должен быть пешкой в ваших руках. Так вот, я решительно заявляю: «Нет»! Сто тысяч чертей и бочка пороха вам в глотку, этот номер не пройдет!

– Но, ваше величество...

– Довольно! Я не согласен – и все! Такова моя королевская воля!

– Прошу слова! – сказал министр юстиции.

– Только покороче.

– В законодательном кодексе: том 814, часть XII, параграф 777555, страница 5, 14 строка, читаем: «Если наследник престола не достиг двадцати лет...»

– Господин министр, меня это не интересует.

– Понятно. Ваше величество хочет нарушить закон. Пожалуйста, наше законодательство предусматривает и это: параграф 105, 486...

– Господин министр, повторяю: меня это не интересует.

– Пожалуйста, есть у нас и такой закон: «Если король пренебрегает законами...»

– Сейчас же прекратите, холера вас возьми!

– О холере тоже есть закон. «В случае эпидемии...»

Потерявший терпение Матиуш хлопнул в ладоши, и в зал вошли гвардейцы.

– Отвести их в тюрьму! – приказал Матиуш.

– Об этом тоже говорится в законе! – обрадованно вскричал министр. – Это называется военной диктатурой... А вот это уже беззаконие! – завопил он, получив прикладом в бок.

Белые как мел министры гуськом прошествовали в тюрьму. Военный министр остался на свободе. Он отвесил королю низкий поклон и удалился.

Наступила гробовая тишина. Матиуш в одиночестве прогуливался по залу, заложив руки за спину, и каждый раз, проходя мимо зеркала, думал: «Я немного похож на Наполеона».

Но что же все-таки делать?

На столе – кипа бумаг. Подписывать или не подписывать? Почему на одних написано: «Разрешаю», на других: «Не разрешаю», на третьих: «Отложить»?

Может, он зря арестовал всех министров? А может, этого вообще не следовало делать? Конечно, он свалил дурака с этой контрибуцией. Поторопился. Надо было посоветоваться с министром финансов.

Но откуда ему было знать, что существует какая-то контрибуция? В самом деле, рассуждая здраво, чего ради победители должны расплачиваться за разрушения из собственного кармана? Ведь не они первые начали.

Может, написать королям письмо? Их ведь трое, значит, им легче возместить военные убытки, чем ему.

А как пишутся такие письма? Министр юстиции сказал: «Том 814». Сколько же всего этих томов? А Матиуш прочел всего-навсего два сборника сказок и жизнеописание Наполеона.

Бедный король совсем приуныл, но тут за окном послышалось кукование кукушки.

Кончилось проклятое одиночество!

– Послушай, Фелек, как бы ты поступил на моем месте?

– На месте вашего величества я бы играл в парке и на их заседания вовсе не ходил. Они бы делали что хотели, и я бы делал что хочу.

«Фелек не понимает, что долг короля – управлять страной и заботиться о благе своих подданных. Король не может, как простой мальчишка, играть все время в салочки да в лапту», – подумал Матиуш, но вслух ничего не сказал.

– Теперь уже поздно. Они в тюрьме.

– Ну и пусть сидят, если такова ваша королевская воля.

– А ты посмотри, сколько бумаг! Если я не подпишу их, останятся фабрики, железные дороги...

– Ну тогда подпишите.

– Я без них как без рук. Даже старые опытные короли не могут обойтись без министров.

– Тогда выпустите их.

Матиуш чуть не кинулся Фелеку на шею. Какой он догадливый! А ему такой простой выход в голову не приходил. В самом деле, ничего страшного не произошло. В любую минуту можно их выпустить, но с условием, чтобы они слушались его и ничего серьезного сами не предпринимали. Потому что это ни в какие ворота не лезет! Король, точно воришка, тащит тайком из собственного буфета колбасу для своего друга. Или украдкой рвет ягоды в собственном саду. Или с завистью смотрит из-за забора, как играют дети. Он тоже хочет играть. Он хочет, чтобы его учителем был капитан, под командой которого он воевал. Ведь ничего особенного он не требует: просто ему хочется жить как все дети.

Фелек спешил в город по делам и забежал одолжить немного денег: на трамвай, на папиросы и, если хватит, – на шоколад.

– На, возьми, пожалуйста.

И Матиуш снова остался один.

Церемониймейстер явно избегал его, гувернер куда-то исчез, а лакеи сновали бесшумно, как тени.

«Наверно, они считают меня тираном?» От этой мысли Матиушу стало не по себе.

Их страх понятен: ведь предок Матиуша, Генрих Свирепый, убивал людей, точно мух.

Что же делать? Как быть?

Хоть бы пришел кто-нибудь.

И тут в комнату тихо вошел старый доктор. Матиуш очень ему обрадовался.

– У меня к вашему величеству очень важное дело, – робко промолвил доктор. – Но я боюсь, вы не согласитесь.

– Разве я тиран? – спросил Матиуш, пристально глядя ему в глаза.

– Никто этого не говорит. Просто у меня к вам очень большая просьба.

– В чем дело, доктор?

– Я пришел просить вас облегчить немного участь заключенных.

– Говорите смело, доктор. Я заранее на все согласен. Я не сержусь на них и скоро выпущу из тюрьмы, но с условием, чтобы они меня слушались.

– Вот это по-королевски! – воскликнул обрадованный доктор и стал перечислять просьбы заключенных: – Канцлер просит подушку, матрац и перину – у него болят кости, он не может спать на соломе...

– А я на голой земле спал, – заметил Матиуш.

– Министр здоровья просит зубную щетку и порошок. Министр торговли не ест черный хлеб и просит прислать ему белый. Министру просвещения нужна книга. Обер-полицмейстер от огорчения заболел, ему необходимо лекарство.

– А о чем просит министр юстиции?

– Ни о чем. В своде законов, в томе 745, сказано: «Заключенные министры имеют право подать прошение на высочайшее имя только спустя три дня после ареста». А они сидят три часа...

Матиуш приказал выдать заключенным белье, одеяла, подушки, отнести им обед из королевской кухни, а к ужину подать вино. Министра юстиции он велел привести под стражей к себе.

Когда министра привели, король любезно предложил ему сесть в кресло.

– Законно ли будет, если я выпущу вас завтра из тюрьмы? – спросил Матиуш.

– Не совсем, ваше величество. Впрочем, военная диктатура не признает законов. И если мы назовем это так, все будет в порядке.

– А если я их выпущу, имеют они право посадить меня в тюрьму?

– Нет, ваше величество. Хотя с другой стороны, в томе 949 есть оговорка о так называемом государственном перевороте.

– Ничего не понимаю, – признался Матиуш. – Сколько надо времени, чтобы во всем этом разобраться?

– Лет пятьдесят, – невозмутимо ответил министр.

Матиуш вздохнул. Корона всегда его тяготила, а сейчас она показалась ему тяжелее пушечного ядра.

16

С узников сняли оковы, привели в тюремную трапезную. С воли прибыли военный министр и министр юстиции. Тюремные стражи, держась за эфесы сабель, застыли у дверей, и заседание началось.

Матиушу ночью не спалось, и он придумал выход из положения.

– Вы управляйте взрослыми, а я буду королем детей, – излагал он министрам свой план. – Я – мальчик и лучше знаю, что нужно детям. За собой я оставлю право поступать как захочу. Остальное пусть будет по-старому. Что говорится об этом в законах, господин министр?

– Таких законов нет, – последовал ответ. – На основании закона (том 1349) дети являются собственностью родителей. Есть только один выход.

– Какой? – вырвалось одновременно у всех.

– Если его величество будет именоваться Реформатором (том 1764, страница 377), королем Матиушем Реформатором.

– А что это значит?

– Так называют королей, которые изменяют старые законы и порядки. Если король скажет: «Я хочу издать такой-то и такой-то закон», я ему на это отвечу: «Нельзя, об этом уже есть закон». А если король скажет: «Я хочу провести реформу», тогда я отвечу: «Пожалуйста, ваше величество!»

Все охотно с этим согласились. А вот с Фелеком дело неожиданно осложнилось.

– Королевским фаворитом он быть никак не может.

– Почему?

– Это противоречит придворному этикету, – брякнул кто-то.

Церемониймейстер на заседании не присутствовал, поэтому проверить подобное утверждение было нельзя. Фаворитов назначают только после смерти короля, пользуясь незнанием Матиуша, соврали министры, а они желают своему юному королю здравствовать долгие-долгие годы. Поэтому грамоту любой ценой у Фелека нужно отобрать.

– Да, это незаконный документ, – подтвердил министр юстиции. – Фелек может приходить в гости к королю, быть его другом, но закреплять это грамотой за подписью и печатью – такого закона нет.

– Ну ладно, – сказал Матиуш, желая их испытать. – А если я не соглашусь и посажу вас опять в тюрьму?

– В вашем лице повелевает владыка государства, – улыбнулся министр юстиции. – Вы – король, воля ваша – закон.

«Вот чудачки! – подумал Матиуш. – Из-за какой-то жалкой бумажонки готовы томиться в тюрьме».

– Милостивый государь, – продолжал министр юстиции, – в наших законах предусмотрено все. В томе 235 говорится: «Король властен нарушить закон...», но тогда его называют не реформатором, а...

– Как? – с беспокойством спросил Матиуш, охваченный недобрый предчувствием.

– Тираном.

Матиуш вскочил с места. Сверкнули обнаженные сабли. Наступила мертвая тишина. Побелев от страха, все ждали, что скажет король. Даже тюремные мухи перестали жужжать.

– Прошу с сегодняшнего дня именовать меня Матиушем Реформатором... Вы свободны, господа, – отчеканивая каждое слово, громко сказал Матиуш.

Смотритель тюрьмы отнес кандалы в чулан, тюремная стража вложила сабли в ножны, а привратник отворил тяжелую, окованную железом тюремную дверь. Министры от радости потирали руки.

– Минуточку, господа. Я хочу провести реформу: выдать завтра каждому школьнику по фунту шоколада.

– Слишком много, – авторитетно заявил министр здоровья. – Животы заболят. Хватит и четверти фунта.

– Ну, хорошо, черт с вами, пусть будет четверть фунта.

– У нас в государстве пять миллионов школьников, считая лентяев и хулиганов...

– Всех считать! – воскликнул Матиуш. – Всех без исключения!

– Наши фабриканты изготовят столько шоколада не раньше чем через десять дней.

– А чтобы развезти его по всей стране, потребуется еще неделя.

– Ваше пожелание, государь, можно выполнить только через три недели.

– Ничего не поделаешь, придется подождать, – недовольным тоном сказал Матиуш. В глубине души ему было неприятно, что он сам не сообразил этого. Однако он не подал виду и вслух сказал: – Завтра же объявить об этом в газетах!

– Простите, ваше величество... – заметил министр юстиции. – Детям, конечно, будет очень приятно получить шоколад, но это не реформа. Это королевский дар. Вот если бы ваше

величество изволили объявить, что каждый школьник будет ежедневно получать за счет государства шоколад, тогда другое дело. Это уже закон. А так это угощение, подарок, пожертвование...

– Ну хорошо, подарок так подарок, – поспешил согласиться Матиуш. Он устал и боялся, как бы опять не начались долгие разговоры и споры. – Заседание объявляю закрытым. До свидания, господа.

Приехав во дворец, Матиуш помчался в парк и свистнул.

– Ну, Фелек, теперь я настоящий король! Все хорошо!

– Кому хорошо, а кому плохо.

– Что случилось? – поинтересовался Матиуш.

– Отец из-за этой бумажки всю спину мне исполосовал.

– Что ты говоришь! – Матиуш был поражен.

– Ага. «Пусть, говорит, король какими хочет милостями тебя осыпает, это его дело, а я с тебя, негодяй, шкуру спущу, потому что это мое, отцовское право. Во дворце ты – королевский фаворит, а дома – мой сын. Отцовская рука надежней королевской милости».

Жизнь научила Матиуша быть осмотрительным и, главное, не торопиться, не делать ничего сгоряча. В жизни как на войне: хочешь победить, тщательно готовься к бою. С этой бумагой он опять поспешил. Свалял дурака. И поставил себя в глупое положение. Что же получается? Он, король, выдает охранную грамоту, а простой сержант, невзирая на нее, лупит почем зря своего сына.

– Видишь ли, Фелек, мы с тобой немного поторопились. Помнишь, я говорил даже, что лучше подождать. Сейчас я тебе все объясню...

И Матиуш рассказал ему историю с шоколадом.

– Короли не могут делать все, что захотят.

– Угу, ваше величество.

– Фелек, называй меня по-прежнему Томеком. Ведь мы вместе воевали и я обязан тебе жизнью.

И они решили называть друг друга по имени, когда будут одни.

– Железно, Крушигора!

– Железно, Вырвидуб!

Теперь и про злополучную грамоту стало легче говорить.

– Вместо нее я дам тебе коньки, два мяча, альбом с марками, лупу и магнит.

– А отец меня снова выдерет...

– Потерпи немного, Фелек. Короли не могут сделать все сразу. Они тоже подчиняются закону.

– А что это за штука – закон?

– Я еще сам хорошенько не знаю. Кажется, такие книги.

– Угу. – Лицо Фелека омрачилось. – Ты там на разных заседаниях бываешь, учишься понемногу, а я вот...

– Не горюй, Фелек. Увидишь, как будет здорово! Если одного моего слова достаточно, чтобы пять миллионов детей получили шоколад, значит, и для тебя я смогу сделать много хорошего. Ты не знаешь, как долго я не засыпаю по вечерам. Ворочаюсь с боку на бок и все думаю, думаю: как сделать, чтобы всем было хорошо. Теперь мне легче. Для взрослых придумать что-нибудь приятное трудно: у них есть деньги, они сами могут купить себе что хотят...

– Не понимаю, зачем думать все время о других, – перебил Фелек. – Я на твоём месте приказал бы сделать в парке качели, карусели с музыкой...

– Тебе этого не понять, потому что ты не король... Ну что же, это хорошая идея. На следующем заседании я предложу во всех школах сделать качели и карусели.

– И тир, и кегельбан.

– Хорошо.

17

Министры прямо из тюрьмы отправились в кондитерскую и заказали себе кофе со сливками и пирожные с заварным кремом. Но обретенная свобода не принесла желанной радости. Они понимали: с королем-мальчишкой сладить будет нелегко. Прощай, покой и вольготная жизнь!

– Главное, деньги занять.

– А новые нельзя выпустить?

– С этим придется подождать. Мы и так во время войны страсть сколько их навывускали.

– Хорошенькое дело – ждать! А срочные долги как прикажете платить?

– Я предлагаю взять в долг у иностранных королей.

Министры слопали по четыре пирожных с заварным кремом, выпили кофе со сливками и разошлись по домам.

На другой день канцлер доложил королю: без займа за границей никак не обойтись. Но послание надо сочинить так ловко, чтобы богатые короли не отказали. Поэтому придется засесть два раза в день.

Военный министр привез во дворец капитана. Матиуш очень обрадовался и спросил, нельзя ли произвести его в майоры. Но оказалось, он еще слишком молод для этого.

– С капитаном я буду заниматься по всем предметам, а с гувернером – иностранными языками.

Матиуш занимался с таким рвением, что даже игры забросил. Капитан жил очень далеко, на окраине, и Матиуш предложил ему переехать с семьей во дворец. У капитана было двое детей: сын Стасик и дочка Еленка. Дети скоро подружились и стали вместе учиться и вместе играть. Изредка приходил Фелек. До учебы он был не охотник и поэтому часто пропускал уроки.

На заседаниях Матиуш появлялся очень редко.

– Жалко время терять, – говорил он. – Скука смертная, и ничего не поймешь.

Теперь в королевский парк приходили дети из соседних дворов. Отец Фелека был мастером на все руки: он сделал ребятам качели. Ребята качались на них, играли в салочки, в мячик, в пожарных, катались на лодке и ловили рыбу в королевском пруду. Новые порядки пришлись не по вкусу королевскому садовнику, и он даже пожаловался дворецкому. Но тот только руками развел: ничего, мол, не поделаешь, такова королевская воля. Ребята нечаянно разбили несколько стекол, однако никто даже не пикнул. На то Матиуш и реформатор, чтобы новые порядки заводить.

Осенью Матиуш приказал позвать печника и сложить в тронном зале печь: «Надоело мне дрожать от холода во время аудиенций».

В плохую погоду игры переносились во дворец. Поначалу лакеи ворчали. Дети оставляли на полу грязные следы, и приходилось то и дело подметать да натирать блестящий как зеркало паркет. Зато теперь обращалось меньше внимания на такую ерунду, как непришитая пуговица, неряшливая прическа и прочее, и у лакеев оставалось больше свободного времени. И потом, раньше во дворце царила гробовая тишина и становилось порой жутковато. То ли дело теперь: смех, беготня, крик. Часто в играх принимал участие веселый капитан. А случалось, и старый доктор пускался в пляс или скакал через веревочку. Вот потеха!

Наконец настал день раздачи шоколада. В столице ребята выстроились вдоль улиц в две шеренги. По улицам ехали грузовики, и солдаты раздавали шоколад. За грузовиками в открытом автомобиле ехал Матиуш. Ребята ели шоколад, смеялись и кричали:

– Да здравствует король Матиуш!

Король вскакивал, приподнимал шляпу, махал носовым платком, вертелся, улыбался, кивал, шевелил руками, ногами, чтобы никто не подумал, будто по городу опять возят фарфоровую куклу.

Но это еще не все. Вечером прилежных и послушных учеников пригласили в театр. Театр был битком набит. А в королевской ложе сидели Матиуш, капитан, Фелек и Стасик с Еленкой.

Когда Матиуш появился в ложе, оркестр заиграл государственный гимн. Все встали, а Матиуш замер – руки по швам, так полагалось по этикету. Ребята весь вечер любовались своим королем. Одно только их огорчало: он был без короны.

Министры на представление не пришли, им было некогда. Они как раз дописывали письмо с просьбой о займе. Только министр просвещения забежал в театр на минутку и удовлетворенно сказал:

– Вот это я понимаю. Послушные дети награждены по заслугам.

Но всему приходит конец – кончился и праздник. А на завтра Матиуша ожидали тяжелые королевские обязанности.

Послание королям читали в торжественной обстановке. Во дворец съехались все министры и все иностранные послы.

С поистине королевским достоинством восседал Матиуш на троне и внимательно и благосклонно слушал послание, которое министры сочиняли целых три месяца. С непривычки очень трудно было вынести эту скучную, утомительную процедуру. Особенно после вчерашнего веселого дня.

Послание состояло из трех частей.

В первой, исторической, упоминалось о том, как часто великие предки Матиуша выручали из беды соседние государства, предоставляя им займы на выгодных условиях.

Во второй, географической части, подробно перечислялось, сколько у Матиуша земель, городов, лесов, какие у него запасы угля, соли, нефти, сколько человек живет в его государстве, сколько пшеницы, картофеля, сахарной свеклы ежегодно выращивается на полях, и так далее.

Третья часть была посвящена экономике. В ней говорилось, как богата и обильна земля Матиуша. Сокровищница полна, подати поступают в казну исправно. Словом, денег куры не клюют. Министры, конечно, заврались. Но они написали так нарочно: пусть короли не сомневаются, что Матиуш вернет долг.

А деньги, следовало из четвертой части, нужны Матиушу, чтобы сделать страну еще прекрасней: построить новые города, железные дороги, фабрики.

Если бы не бесконечные цифры – миллионы и десятки миллионов, слушать было бы, пожалуй, интересно. Но, оглушенный потоком цифр, Матиуш начал зевать, а чужеземные послы с нетерпением поглядывали на часы.

Но вот чтение подошло к концу.

– Мы передадим послание нашим правительствам. Короли наши хотят жить в мире с Матиушем, и мы надеемся, они не откажутся дать ему денег в долг, – пообещали послы.

Матиушу подали ручку с золотым пером, усыпанную драгоценными камнями. И он сделал такую приписку:

Ваши королевские величества!

Я вас победил и не взял контрибуции, а теперь прошу дать мне взаймы денег. Не будьте жадинами!

Король Матиуш Первый Реформатор.

Иноземные короли пригласили Матиуша в гости. А вместе с ним капитана, доктора, Стасика и Еленку.

«Приезжайте, пожалуйста, ваше величество! Мы постараемся, чтобы Вам было весело и хорошо», – писали короли.

Матиуш очень обрадовался. До сих пор он был только в одном заграничном городе, и то во время войны. А теперь увидит целых три столицы, три королевских дворца и три королевских парка! Вот здорово! Одна столица славится зоологическим садом, где собраны звери со всего света. В другой, по словам Фелека, есть высоченный дом, почти до облаков. А в третьей – витрины такие красивые, что глаз не оторвешь.

Министров не пригласили, и они обиделись. Но обижайся не обижайся, а раз не пригласили, придется дома сидеть. Главный казначей заклинал Матиуша не брать у королей денег и не подписывать никаких бумаг.

– Ваше величество, вы не подозреваете, какие они обманщики! – говорил он.

– Ничего, не обманули, когда поменьше был, а теперь и подавно не обманут, – сказал Матиуш самоуверенно. Но в душе обрадовался предостережению казначея и решил ничего не подписывать. «Может, это и правда ловушка, недаром никого из министров не пригласили».

«Вот счастливчик! – завидовали Матиушу. – Сколько стран повидаешь!»

Во дворце поднялась суматоха: укладывали вещи в сундуки, портные приносили новые костюмы, сапожники – новые башмаки. Церемониймейстер как угорелый носился по дворцу – следил, как бы чего не забыли.

Наконец наступил долгожданный день отъезда. К дворцу подкатили два автомобиля: в один сел Матиуш с капитаном, во второй – доктор, Стасик и Еленка. Улицы были запружены народом. Вдогонку королевскому автомобилю несло радостное «Ура!». У перрона стоял королевский поезд, и все министры были в сборе.

Матиуш уже ездил однажды королевским поездом, когда возвращался с войны. Но тогда от усталости он ничего не замечал вокруг. Теперь другое дело: ехали для развлечения, и можно было ни о чем не думать. По правде говоря, это был заслуженный отдых после тяжелых военных походов и не менее тяжелой борьбы с министрами.

Матиуш со смехом рассказывал своим спутникам, как солдаты под шинелями прятали их с Фелеком от поручика – теперешнего его учителя. Вспоминал солдатскую похлебку, кусачих блох и то, как стоя на крыше хлева, встретился взглядом с военным министром, который ехал этим самым поездом.

– Тут мы целый день простояли! А с этой станции нас отправили обратно! – то и дело восклицал Матиуш.

Королевский поезд состоял из шести вагонов. Один вагон спальный, здесь у каждого было по отдельному купе с мягкой полкой-кроватью, умывальником, столиком и откидным стульчиком. Во втором вагоне помещался ресторан. Посередине стоял стол, вокруг стулья, на полу лежал пушистый ковер, и всюду цветы, цветы... В третьем – библиотека; там, кроме книг, были любимые королевские игрушки. В четвертом – кухня. В пятом ехали королевские слуги: повар и лакеи. В шестом везли королевский багаж.

Дети по очереди высовывались в окошко, смеялись, болтали. Все их забавляло и радовало. На больших станциях паровоз останавливался, чтобы набрать воды. Вагоны плавно катились по рельсам – ни толчков, ни стука!

Вечером в обычное время дети легли спать, а проснулись уже за границей.

Едва успел Матиуш одеться и умыться, как явился посланец чужеземного короля.

Оказывается, он сел в поезд ночью на границе и теперь, как предписывалось здешними обычаями, будет сопровождать гостей до самой столицы.

– Когда поезд прибывает в столицу вашего короля?

– Ровно через два часа.

Хотя Матиуш знал несколько иностранных языков, было приятно слышать из уст королевского посланца родную речь.

Прием, оказанный Матиушу, не поддается описанию. Не как покоритель городов и неприступных крепостей, а как покоритель сердец въезжал он в столицу чужой страны. Седовласый король со своими взрослыми детьми и внуками встречал его на вокзале. А утопающий в зелени и цветах вокзал напоминал прекрасный сад. На перроне гирлянды цветов сплетались в надпись, которая гласила: «Добро пожаловать, юный друг!» В четырех длинных приветственных речах Матиуша называли добрым, мудрым и отважным. Ему желали здоровья и долгих лет царствования. На серебряном подносе преподнесли хлеб-соль, на шею надели высший орден государства – орден Льва с большущим бриллиантом. Старый король отечески поцеловал его, и у Матиуша слезы навернулись на глаза: он вспомнил своего отца. Играл оркестр, развевались знамена, через улицы были перекинута триумфальные арки, а с балконов свисали ковры и флаги.

Матиуша на руках внесли в автомобиль. На всем пути следования его громогласно приветствовали огромные толпы, словно люди съехались сюда со всего света. В честь приезда Матиуша школьников на три дня освободили от занятий, и они, ликуя, высыпали на улицы.

Никогда Матиуша не приветствовали так восторженно даже в собственной столице.

На площади перед дворцом толпился народ, требуя, чтобы юный король что-нибудь им сказал. Был уже вечер, когда Матиуш вышел на балкон.

– Я ваш друг! – крикнул он.

В ответ прогремели пушечные залпы, вспыхнули фейерверки и бенгальские огни. По небу рассыпались красные, голубые, зеленые звезды. Красиво, как в сказке!

И завертелось колесо развлечений: балы, театры, днем прогулка в горы, посещение старинных замков, затерявшихся в лесах, охота, военные парады, а вечером опять торжественные обеды, театры – и так без конца.

Внуки и внучки короля с радостью отдавали Матиушу самые лучшие игрушки. Ему подали двух красавцев коней, маленькую серебряную пушечку и волшебный фонарь с картинками неопишуемой красоты.

Но самое интересное было впереди. В один прекрасный день королевский двор отправился на автомобилях к морю. И Матиуш увидел самый незаправдашний морской бой. И первый раз в жизни плыл на флагманском корабле, названном его именем.

Десять дней пролетели незаметно. Матиуш с удовольствием погостил бы здесь подольше, но пора было ехать к тому королю, которого он отпустил из плена.

Этот король был победней, поэтому встречали Матиуша с меньшей роскошью, но не с меньшей сердечностью. И среди гостей здесь были жители Азии, Африки, Австралии. Матиуш впервые увидел китайцев с косами, негров, у которых в носу и ушах были украшения из ракушек и слоновой кости. Матиуш подружился с ними. И вождь одного племени подарил ему четырех говорящих попугаев. Другой вождь преподнес в дар крокодила и питона в огромном террариуме. Третий – двух забавных дрессированных обезьянок; они так потешно кривлялись, что нельзя было без смеха смотреть на них.

Побывал Матиуш и в зверинце, который славился на весь мир. Кого там только не было! От самых больших до самых маленьких обитателей суши и моря. Пингвины – птицы, похожие на людей, белые медведи, зубры, огромные индийские слоны, львы, тигры, волки, лисы. А сколько рыб и разноперых птиц! Одних только обезьян около пятидесяти видов!

– Это подарки моих африканских друзей, – сказал король.

И Матиуш подумал: хорошо бы пригласить их к себе и устроить такой же замечательный зверинец. «Если звери понравились мне, значит, понравятся всем ребятам», – решил Матиуш.

Жалко уезжать, да ничего не поделаешь, пора! Интересно, что покажет Матиушу третий король? Кажется, это у него в столице высоченный дом, о котором говорил Фелек.

19

У третьего, самого молодого, короля было печальное лицо. Он принял Матиуша приветливо и ласково, но очень скромно. Это удивило Матиуша и немного даже обидело.

«Скупой небось», – неприязненно подумал он.

Еще больше удивился Матиуш, когда увидел королевский дворец, который ничем не отличался от соседних особняков. И даже рот разинул, заметив у одного лакея грязные перчатки и – дырку на королевской скатерти, правда искусно заштопанную шелковыми нитками. Но дырка есть дырка, какая бы маленькая она ни была, и никакие шелковые нитки тут не помогут.

Но каково же было изумление Матиуша, когда он попал в сокровищницу этого скупца. Горы золота, серебра и драгоценных камней переливались и сияли так, что глазам больно.

– Какой вы богач! – невольно вырвалось у Матиуша.

– Ну что вы! Если эти сокровища разделить поровну между всеми жителями моей страны, каждому достанется по маленькой монетке.

Он сказал это так просто и искренне, что Матиуш преисполнился к нему симпатией. И обиды как не бывало!

По вечерам, когда они не ходили в театр, король играл на скрипке. От его игры становилось грустно-грустно и из груди невольно вырывался вздох.

«Какие разные бывают короли», – дивился про себя Матиуш.

– В вашей столице, кажется, есть очень высокий дом? – спросил однажды Матиуш.

– Да, парламент. Я думал, вам это будет неинтересно. Ведь у вас народ не участвует в управлении государством.

– Нет, что вы! Мне бы очень хотелось увидеть этот... этот парламент.

Что это за штука, Матиуш так и не понял.

«Чудно, я столько слышал рассказов про подвиги королей, живших сто, двести, тысячу лет назад, а про то, как живут и что делают теперешние короли, мне никогда ни слова не говорили. Может, знай я это раньше, и до войны бы не дошло».

Король снова заиграл на скрипке.

– Почему вы играете так печально? – спросил Матиуш.

– Жизнь печальная, мой друг, особенно у королей.

– У королей?! – удивился Матиуш. – А вот короли, ваши соседи, очень веселые.

– Это они только при гостях притворяются веселыми и беспечными. Таков обычай. А на самом деле им тоже грустно: ведь они проиграли войну!

– Значит, и вы грустите поэтому?

– Нет. Меня это даже радует.

– Радует? – поразился Матиуш.

– Да. Я был против войны.

– Почему же вы тогда воевали?

– Другого выхода не было.

«Вот чудак, не хочет воевать и воюет. И еще рад, что проиграл войну. Таких чудачков я еще не встречал».

– Победа – опасная вещь, – словно про себя проговорил король. – Победители часто забывают о своем долге.

– О каком долге? – недоумевая, переспросил Матиуш.

– О королевском. Король обязан заботиться о благе своего народа. Корону носить – дело нехитрое. А вот как сделать людей счастливыми? Существуют реформы... – как бы размышлял вслух Печальный король.

«Интересно», – подумал Матиуш.

– Но реформы – вещь непростая, очень непростая.

И из-под смычка полились такие жалобные звуки, словно случилось непоправимое несчастье.

В ту ночь Матиуш долго не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок, а в ушах раздавался жалобный плач скрипки.

«Надо обязательно с ним поговорить, посоветоваться. Кажется, он хороший человек. А то я называюсь Реформатором, а что такое реформы, не знаю. По его словам, это вещь очень непростая».

Но эти мысли вытеснили другие:

«А вдруг он только притворяется добрым? А на самом деле они сговорились и поручили ему обмануть меня, вкрасься в доверие и заставить подписать какую-нибудь бумагу?»

Странно, почему короли ни словом не обмолвились о займе и вообще ни о чем серьезном не заводили речи. Обычно, когда они собираются, то говорят о политике и других важных вещах. А тут ни слова. Или они считают меня маленьким? Тогда почему Печальный король разговаривает со мной, как со взрослым?»

Матиушу нравился Печальный король, но он ему не доверял. И не удивительно. Жизнь с ранних лет учит королей подозрительности.

Чтобы заснуть поскорее, Матиуш потихоньку стал напевать самую грустную песенку, какую только знал. Вдруг в соседней комнате послышались шаги.

«Может, меня хотят убить? – промелькнуло у него в голове. – В истории сколько раз так бывало: заманят короля в ловушку и предательски лишат жизни». Наверно, бессонница и печальная песенка виной тому, что у него зародились такие чудовищные подозрения.

Матиуш щелкнул выключателем и полез под подушку за револьвером.

– Не спишь, Матиуш? – спросил, входя в комнату, Печальный король.

– Да, не спится что-то.

– Значит, маленьким королям тоже не дают покоя невеселые мысли? – Печальный король печально улыбнулся и присел на край постели.

Он сидел и молча глядел на Матиуша. И Матиуш вспомнил, что вот так же смотрел на него отец. Тогда это ему не нравилось, а теперь от ласкового взгляда становилось теплей на душе.

– Я видел, как ты удивился, услышав, что я не хотел с тобой воевать, а все-таки воевал. Тебе все еще кажется, будто короли делают что хотят?

– Нет, я знаю, мы часто должны поступать так, как велит закон.

– Ну да, сначала примем плохой закон, а потом волей-неволей исполняем его.

– А разве хорошие законы нельзя принимать?

– Можно и даже нужно! Ты, Матиуш, еще очень молод, учись и вводи в своей стране справедливые и мудрые законы.

Печальный король положил маленькую руку Матиуша на свою большую ладонь и долго смотрел на нее, будто сравнивал. Потом нежно погладил ее и поцеловал мальчика в лоб.

Матиуш смутился, а король, понизив голос, торопливо заговорил:

– Вот послушай. Мой дед освободил народ, но злые люди убили его, и народ по-прежнему был бесправен. Отец воздвиг огромный памятник Свободе. Завтра ты его увидишь. Красивый памятник, но какой от него прок, если на свете по-прежнему бушуют войны, по-прежнему есть бедные и несчастные. Я построил парламент. И все равно ничего не изменилось. А знаешь,

Матиуш, – сказал он таким тоном, словно припомнил что-то очень важное, – может, ошибка наша в том, что мы издавали законы для взрослых. Попробуй начать с детей. Может, тогда что-нибудь получится. Ну, спи, дорогой мальчик! Ты приехал развлекаться, а я морочу тебе по ночам голову всякой чепухой. Покойной ночи!..

На другой день Матиуш хотел продолжить ночной разговор, но Печальный король всячески избегал этого. Зато он подробно объяснил Матиушу, что такое парламент.

Парламент помещался в большом красивом здании, внутри оно напоминало не то храм, не то театр. На возвышении за столом разместились какие-то важные господа, как у Матиуша во дворце во время заседаний. Но тут в зале стояло еще много-много кресел, на которых сидели мужчины. Они выходили на трибуну и произносили длинные речи. По бокам были ложи, а в ложах – министры. В стороне за большим столом примостились корреспонденты, которые писали в газеты о том, что слышали и видели в парламенте. На галерке было полным-полно народу. Когда Матиуш с Печальным королем вошли в зал, оратор обвинял в чем-то министров.

– Мы этого не потерпим! – истошно кричал он и потрясал кулаками. – Или вы будете слушаться, или мы прогоним вас в шею! Нам нужны умные министры!

Следующий оратор говорил прямо противоположное: министры очень умные и других нам не надо.

Началась перебранка, шум, крик. Кто-то вопил: «Долой министров!» Другой орал: «Позор!» А когда Матиуш выходил из зала, послышался крик: «Долой короля!»

– Из-за чего они ссорятся?

– Им плохо живется.

– А что будет, если они прогонят министров?

– Выберут других.

– Ну, а тот, кто кричал «Долой короля!», он что, сумасшедший?

– Нет, просто он против короля.

– А короля могут свергнуть?

– Конечно.

– А потом?

– Выберут нового.

20

Газеты на родине Матиуша целый месяц писали о том, какой пышный прием оказывают их юному монарху за границей, какие преподносят ценные подарки, как его любят и уважают. Хитрые министры решили воспользоваться этим и выманить у чужеземных королей побольше денег. Успех обеспечен, считали они, если, конечно, Матиуш опять не выкинет чего-нибудь и не испортит все дело. «Хорошо еще, что короли не обиделись за дурацкую приписку, – рассуждали они. – Ни один реформатор, даже самый великий, не позволил себе написать на официальном документе: «Не будьте жадинами».

Министры хотели избавиться от Матиуша. И подходящий предлог нашелся: Матиуш, мол, переутомлен и нуждается в отдыхе.

Матиуш очень обрадовался и изъявил желание поехать к морю. Отправились всей компанией: Матиуш, капитан, Стасик, Еленка и доктор. На этот раз Матиуш ехал в обыкновенном поезде, останавливался не во дворцах, а в простых гостиницах, носил скромный костюм и величали его не «величеством», а «сиятельством». Это означало, что король путешествует инкогнито. Если король хочет ехать туда, куда его не звали, он делает вид, что он вовсе не король.

Матиушу это нравилось. Можно играть с другими детьми и, хотя бы на время, превратиться в обыкновенного мальчика.

Жилось им на взморье привольно: они купались, собирали на берегу ракушки, строили из песка замки и крепости, ездили верхом, катались на лодке, ходили в лес по грибы и ягоды.

Для Матиуша время летело особенно быстро, потому что он снова начал заниматься с капитаном. Три урока в день – сущий пустяк, особенно если учитель – твой кумир.

Со Стасиком и Еленкой Матиуш подружился. Они были славные ребята и ссорились с ним очень редко – и то ненадолго.

Как-то он повздорил с Еленкой из-за большого белого гриба. Матиуш сказал, что он первый увидел его, а Еленка – что она. Матиуш не стал бы с ней спорить: подумаешь, велика важность – гриб, особенно для короля! Но зачем же врать и хвастаться?

– Я увидел его и закричал: «Смотрите, какой огромный гриб!» – и показал пальцем, а ты подлетела и сорвала.

– Раз я сорвала, значит, он мой!

– Ты была ближе, а первым увидел его я.

Еленка разозлилась, швырнула гриб на землю и давай топтать:

– Не нужен мне ваш гриб! Не нужен!

Но потом ей стало стыдно, и она расплакалась.

«Странный народ эти девчонки, – подумал Матиуш, – сама растоптала, а теперь ревет».

В другой раз получилось вот что. Стасик построил из песка крепость с высокой башней. Как трудно из песка построить высокую башню, всем известно. Песок должен быть мокрый, значит, выкапывать его приходится из глубины. Намучился Стасик со своей крепостью, пока не догадался вставить в середину палку. Ему хотелось посмотреть, что будет, когда в крепость ударит набежавшая волна. А Матиушу стрельнуло вдруг что-то в голову, и он с криком: «Ура! На штурм!» – налетел с разбегу на крепость и разрушил ее. Сначала Стасик очень рассердился. Но потом рассудил: видно, короли так устроены, что не могут равнодушно видеть чужих крепостей и не брать их штурмом. Он подулся немного, и они помирились.

Иногда капитан вспоминал, как он сражался в африканских пустынях. А доктор очень интересно рассказывал про микробов, которые, словно неприятельское войско, нападают на человека. Но у того в крови есть защитники – маленькие белые шарики. Они набрасываются на врагов-микробов, и, если одолевают их, человек выздоравливает, а если нет – умирает. В человеческом теле есть и крепости со множеством ходов, ловушек, рвов – это железы. Попадут микробы в такую крепость, заблудятся, а шарики-солдаты тут как тут – накидываются на них и уничтожают.

Познакомились ребята с рыбаками. Те научили их распознавать по небу, будет ли буря и какая – сильная или не очень.

Весело было играть, интересно слушать разные истории. Но иногда Матиуш один убегал в лес или под предлогом, что идет искать ракушки, отделялся от остальной компании и уходил на берег моря. Там он садился на камень и думал, что сделает, когда вернется домой.

Может, устроить так, как у Печального короля? Может, лучше, когда правит народ, а не кучка министров и король? А то создается безвыходное положение, как тогда, после войны: он – маленький, министры – глупцы и мошенники. Посадил он их в тюрьму и, оставшись один, не знал, что делать. А так пошел бы в парламент и сказал: «Выберите других хороших министров».

Матиуш подолгу размышлял об этом, но ему хотелось с кем-нибудь посоветоваться. И вот, когда они гуляли вдвоем с доктором, он спросил:

– Скажите, доктор, все дети такие здоровые, как я?

– Нет, Матиуш (доктор называл его просто по имени: ведь Матиуш жил здесь инкогнито), на свете много слабых и больных детей. Они живут в сырых, темных каморках, лето проводят в душном городе, голодают и поэтому часто болеют.

Матиуш сам видел темные, смрадные жилища бедняков и по своему опыту знал, что такое голод. Он вспомнил, как предпочитал иной раз ночевать под открытым небом на голой земле, чем в крестьянской хате. Вспомнил бледных, кривоногих ребятишек, которые выпрашивали солдатскую похлебку. С какой жадностью они уплетали ее! Но Матиуш думал: так бывает только в войну, а оказывается, дети мерзнут и голодают в мирное время.

– А нельзя сделать так, чтобы у всех были теплые, светлые дома с садами и вдоволь еды?

– Это очень трудно.

– Ну, а если я очень захочу?

– Конечно, можно. От короля многое зависит. Вот, например, последний король, у которого мы были, тот, что играл на скрипке, построил больницы, дома для бедных детей, у него в стране ребята летом выезжают за город. Он издал такой закон: каждый город обязан построить в деревне дома, куда на целое лето отправляют слабых, болезненных детей.

– А у нас?

– У нас такого закона нет.

– Ну так будет! – вскричал Матиуш и топнул ногой. – Милый, хороший доктор, помогите мне! Министры опять начнут говорить: это невозможно, что нет того, другого, а я не знаю: правда это или вранье?

– Это и на самом деле нелегко.

– Согласен, что нелегко, но все-таки возможно. Пример тому – история с шоколадом.

– Шоколад – это пустяки.

– Почему Печальному королю легко, а мне трудно?

– Ему тоже нелегко.

– Ну и пусть трудно, а я все равно сделаю, чего бы мне это ни стоило!..

Над морем опускалось огромное пурпурное солнце. И Матиуш уже видел в мечтах, как все ребята в его стране любят закаты и восходы, катаются на лодках, купаются в море, ходят в лес по грибы.

– А почему, если он такой добрый, кто-то крикнул в парламенте «Долой короля!»? – спросил Матиуш на обратном пути.

– Всем угодить трудно. Всегда найдутся недовольные.

И Матиуш вспомнил, как солдаты насмеялись над королями. Если бы не война, он до сих пор воображал бы, что его все обожают и, завидев, готовы кидать шапки в воздух от восторга.

После этого разговора Матиуш стал еще прилежнее учиться и поговаривал, что пора домой.

«Надо браться за реформы, – думал он. – Чем я хуже других королей, у которых дети летом выезжают за город?»

21

Когда Матиуш вернулся к себе в столицу, все было подготовлено, чтобы получить деньги у иностранных королей. Не хватало только его подписи.

Матиуш расписался там, где нужно, и тотчас главный кассир государства с мешками и сундуками отправился за золотом и серебром.

Матиуш с нетерпением ждал денег, ему хотелось поскорей приняться за реформы. Их было три:

1. В лесах, в горах, на берегах рек и озер построить дома, в которых летом будут отдыхать дети бедняков.

2. Во всех школьных дворах соорудить качели и карусели с музыкой.

3. Устроить в столице зверинец со львами, медведями, слонами, обезьянами, змеями и птицами.

Но когда деньги были получены, Матиуша постигло большое разочарование. Оказалось, министры заранее распределили все расходы. Столько-то на строительство мостов и школ, столько-то на починку железных дорог, столько-то на уплату военных долгов, а на реформы Матиуша денег не хватило.

– Если бы ваше величество сказали об этом раньше, мы попросили бы денег побольше, – лицемерно сожалели министры, а про себя думали: «Хорошо, что его не было в столице! Такую пропасть денег ухлопать на дурацкие затеи. Да иностранные короли ни за что бы не дали столько».

«Ах так! – рассердился Матиуш. – Раз вы меня обманули, я теперь знаю, что делать». И написал обо всем Печальному королю.

Я решил провести в своей стране такие же реформы, как в вашей. А министры не дают мне денег, и я хочу попросить займы для себя.

Долго ждал Матиуш ответа и уже отчаялся его получить, как вдруг в один прекрасный день ему доложили во время урока, что его хочет видеть посол Печального короля. Матиуш сразу смекнул, в чем дело, и поспешил в тронный зал.

Посол заявил, что должен побеседовать с королем с глазу на глаз, и их оставили наедине. Когда за последним министром закрылась дверь, посол сказал: его король согласен одолжить Матиушу деньги, но с условием, что Матиуш даст своему народу конституцию. То есть управлять государством будет не он с министрами, а весь народ.

– Когда даешь деньги одному человеку, он может не вернуть их, а когда даешь всему народу – дело другое. Боюсь только, министры не согласятся, – прибавил посол.

– Согласятся. У них другого выхода нет. Ведь я король-реформатор.

Министры против ожидания согласились очень быстро. Во-первых, они боялись, как бы Матиуш опять не посадил их в тюрьму. Во-вторых, хитрецы договорились между собой: «Нам это даже выгодно, всегда можно сказать: «Такова воля народа» – и дело с концом. Ведь весь народ в тюрьму не посадишь!»

И вот в столицу из всех городов и деревень съехались самые мудрые люди. Совещались они дни и ночи напролет. Разве легко решить, чего хочет весь народ?

В газетах об этом писали так много, что даже на картинки, которые любил рассматривать маленький король, не хватало места. Но не беда, теперь Матиуш хорошо читал и мог обойтись без картинок.

Отдельно совещались банкиры. Они подсчитывали, сколько денег понадобится на постройку летних домов для детей, каруселей и качелей.

Со всех концов света в столицу Матиуша потянулись дрессировщики, фокусники, укротители, торговцы дикими зверями, птицами и змеями. Вот у кого на встречах было интересно! И Матиуш не пропускал ни одного их собрания.

– Продаю четырех великолепных львов, – предлагал один.

– Во всем мире нет тигров кровожадней моих! – хвастался другой.

– Могу предложить красивых попугаев, – говорил третий.

– Змеи – вот самый дефицитный товар! – восклицал четвертый. – Коварнее моих змей и крокодилов не найти! Отличительная черта моих крокодилов – долголетие и величина.

– Дрессированный слон! В молодости выступал в цирке: ездил на велосипеде, танцевал, ходил по канату. Теперь состарился, и я продам его по дешевке. Зато как обрадуются дети! Они очень любят ездить на слонах.

– Не забудьте про медведей, – раздался голос медвежатника. – У меня есть два бурых и два белых мишки.

Среди торговцев дикими зверями был один настоящий индеец и два негра. Однако одеты они были по-европейски и говорили понятно, потому что жили попеременно то в Европе, то в Африке.

Но вот однажды на собрание явился черный-пречерный негр. Таких еще никто отродясь не видывал. К тому же он был полуголый, а в волосах столько украшений из слоновой кости понатыкано, что казалось невероятным, как голова выдерживает такую тяжесть. И ни звука ни на одном известном языке.

В государстве Матиуша жил старый профессор, который изучил пятьдесят языков. Срочно послали за ним, чтобы узнать, чего хочет черный посланец. Другие негры тоже не понимали его или делали вид, что не понимают, боясь, как бы он не испортил им коммерцию.

– О, могучий, как баобаб, великий, как море, быстрый, как молния, и ясный, как солнце, король Матиуш! Я привез тебе дружбу моего владыки, пусть здравствует он семь тысяч лет и дождется десяти тысяч праправнуков! – заявил посланец африканского вождя. – В лесах у моего владыки больше зверей, чем звезд на небе, чем в муравейнике муравьев. Светлейший король Матиуш, не верь этим обманщикам, у них львы беззубые, тигры без когтей, слоны дряхлые, а птицы подмалеваны красками. У любой обезьяны больше ума, чем у всех у них, вместе взятых, а любовь моего владыки к тебе во сто крат превосходит их глупость. Они хотят выманить у тебя побольше денег, а моему владыке золота не нужно. В горах у него столько золота, что его некуда девать. Он пришлет тебе диких зверей задаром, а сам хотел бы приехать к тебе на две недели в гости. Ему очень любопытно поглядеть, как живут европейцы. Но белые короли его не приглашают, говорят, он дикарь и дружбу с ним водить неприлично. Приезжай к нам, и ты убедишься, что я говорю правду.

Торговцы дикими зверями повесили носы: «Прощай денежки!»

– А известно ли вашему величеству, что он приехал из страны людоедов? Наш совет вам: не ездите туда и не приглашайте их к себе, – попробовали они отговорить Матиуша.

– О ясный, как солнце, и белый, как песок, король Матиуш! – сказал в ответ чернокожий великан. – С головы у тебя не упадет ни один волос в гостеприимной стране моего владыки. Мой владыка, пусть здравствует он пять тысяч лет без одного года, скорее съест самого себя, чем тронет тебя хоть пальцем.

– Решено: я еду в Африку! – заявил Матиуш.

Торговцам дикими зверями пришлось несолоно хлебавши покинуть столицу.

22

Канцлер вернулся домой злющий-презлющий. Жена не решалась слова вымолвить, чтобы не рассердить его еще больше. Дети присмирели, боясь, как бы им не влетело под горячую руку. Обычно канцлер выпивал перед обедом одну рюмку водки, а кушанья запивал вином. Но сегодня он оттолкнул вино и выпил подряд пять рюмок водки.

Необычное поведение главы семейства обескуражило супругу.

– Дорогой, – робко молвила она, – я вижу, у тебя опять неприятности по службе. Так можно совсем здоровье потерять.

– Неслыханное дело! – прорвало наконец канцлера. – Знаешь, что выкинул Матиуш?

Супруга вместо ответа только горестно вздохнула.

– Знаешь, что он выкинул? – повторил канцлер. – Собрался в гости к людоедскому вождю. Да, да, к вождю людоедов! К самому дикому племени в целой Африке. Куда не ступала нога белого человека. Понимаешь? Там его съедят. Как пить дать, съедят! Я просто в отчаянии.

– Дорогой, а нельзя ли его отговорить?

– Отговаривай, если тебе жизнь не мила, а я не намерен второй раз в кутузке сидеть! Он упрямый и легкомысленный мальчишка!

– Ну хорошо, а вдруг его, не дай бог, съедят?

– Он нам сейчас нужен позарез! Если дикари слопают его, все наши усилия пойдут прахом: кто откроет первое заседание парламента, кто подпишет манифест? Через год пусть едят на здоровье!

Но дело было не только в этом. Отпустить малолетнего короля одного в такое опасное путешествие не полагалось, а ехать никому из министров не хотелось.

А Матиуш между тем всерьез готовился в дорогу.

«Король едет в страну людоедов», – разнеслось по городу. Взрослые соболезнующе качали головами, а дети завидовали Матиушу.

– Милостивый государь, – старый доктор сделал последнюю попытку отговорить Матиуша от этой затеи, – быть съеденным очень неприятно и, я бы сказал, вредно для здоровья. Дикари, несомненно, захотят зажарить ваше величество на вертеле, а поскольку при высокой температуре белок свертывается, следовательно...

– Дорогой доктор, – перебил его Матиуш, – меня хотели убить, расстрелять, повесить, а я до сих пор цел и невредим. Может, посланец черного владыки говорит правду и они не съедят меня. Так или иначе, я дал слово, и отступить уже поздно. Слово короля нерушимо!

Решили, что с Матиушем поедет старый профессор, изучивший пятьдесят языков, капитан, но без Стасика и Еленки (их не отпустила мама). В последний момент к путешественникам присоединились доктор и Фелек.

Доктор, незнакомый с африканскими болезнями, купил толстенный медицинский справочник и набил чемодан разными лекарствами.

Перед самым отъездом во дворец явились английский моряк и путешественник-француз и упростили Матиуша взять их с собой.

Багажа было немного, во-первых, в Африке не нужны теплые вещи, а во-вторых, на верблюдах много чемоданов не увезешь, это не лошади.

Наконец наступил день отъезда. Путешественники сели в поезд и поехали. Ехали-ехали и приехали к морю. Пересели на корабль и поплыли. На море настигла их буря, и с непривычки все заболели морской болезнью. Вот тут-то и пригодились лекарства, которые доктор вез в чемодане.

Доктор был очень недоволен поездкой и всю дорогу пребывал в прескверном расположении духа.

– Дернула меня нелегкая согласиться быть придворным лекарем, – ворчал он. – Будь я простым доктором, сидел бы себе в теплом, уютном кабинете, ходил в больницу, а теперь вот на старости лет изволь скитаться по белу свету. В моем возрасте особенно неприятно быть съеденным.

Зато капитан был в прекрасном настроении. Он вспоминал свою молодость и то, как мальчишкой удрал в Африку. Вот славное было время!

Фелек тоже радовался. Хотя одно обстоятельство слегка омрачало его радость.

– Небось в гости к белым королям взял с собой этих неженков, капитанских деток, а к людоедам ехать так и Фелек хорош! Эти-то, поди, трусили? – сказал он однажды Матиушу.

– Неправда, – возразил Матиуш, – они хотели ехать, но им мама не разрешила. А белые короли тебя не пригласили, незваным же ехать не полагается.

Это объяснение показалось Фелеку убедительным, и он больше не сердился.

Наконец они приплыли в порт. Опять пересели с корабля на поезд и ехали два дня по железной дороге. Тут уже росли фиговые деревья, бананы и разные диковинные растения. При виде всех этих чудес Матиуш вскрикивал от восторга, а посланец черного владыки снисходительно улыбался, скаля белые зубы, отчего присутствующим становилось не по себе.

– Это ерунда! Настоящие джунгли впереди!

Но вместо джунглей взорам путешественников открылась пустыня.

Насколько хватал глаз – песок и песок. Безбрежный океан песка.

В последнем поселении белых, где они остановились, был расквартирован гарнизон и имелось несколько лавчонок.

Услышав, куда они держат путь, офицер сказал:

– Ну что ж, коли вам жизнь не мила, поезжайте. Много смельчаков ехало в ту сторону, а вот обратно еще никто не возвращался.

Посланец африканского короля, купив трех верблюдов, отправился вперед предупредить о прибытии гостей, а Матиушу и его спутникам велел ждать его возвращения.

Когда он уехал, гарнизонный офицер обратился к путешественникам:

– Послушайте, меня не проведешь, я стреляный воробей! Сразу видно – вы не простые путешественники. Иначе зачем вам двое мальчишек и этот старик. И туземец, сопровождающий вас, судя по раковине в носу, принадлежит к знатному роду.

Наши путешественники, видя, что отпираться бессмысленно, рассказали ему все начистоту.

Оказывается, офицер читал о Матиуше в газетах, которые приходили сюда с опозданием на несколько месяцев.

– Тогда дело другое, – сказал офицер. – Это очень гостеприимный народ. Вы или совсем оттуда не вернетесь, или вернетесь с богатыми дарами. У них золота и бриллиантов куры не клюют! В обмен на всякую ерунду – мешочек пороха, зеркальце или трубку – они дают несколько пригоршней золота.

Путешественники заметно повеселели. Старый профессор целыми днями лежал на раскаленном солнцем песке. Доктор сказал, что ему это полезно: у профессора болели ноги. А вечером он отправлялся в негритянские хижины и записывал новые, неизвестные науке слова.

Фелек объелся фруктами, и доктор дал ему из своей аптечки-чемодана ложку касторки. Английский моряк и путешественник-француз несколько раз брали Матиуша с собой на охоту. Матиуш научился ездить на верблюдах. Такая жизнь была ему по душе.

23

Как-то раз ночью в палатку ворвался негр-слуга.

– Вставайте! – кричал он. – Нападение! Измена! – И жалобно запричитал: – О я несчастный, зачем пошел в услужение к белым! Мои собратья никогда мне этого не простят! Что мне, несчастному, теперь делать?..

Путники вскочили с походных коек и схватились за оружие, готовые сразиться с врагом.

Кругом темень, ни зги не видно. Лишь изредка со стороны пустыни доносится какой-то глухой шум, будто топот огромной толпы.

Странно, почему в казарме так тихо? Никакого движения, ни одного выстрела.

Начальник гарнизона, хорошо знакомый с обычаями туземцев, сразу сообразил, что это не нападение. Но что, он сам толком не понимал и поэтому выслал гонца, чтобы тот все разузнал. Гонец вскоре вернулся и сообщил: это идет караван за Матиушем.

Впереди выступал огромный, царственно-важный верблюд с паланкином между горбами. За ним – сто верблюдов, покрытых роскошными попонами. И великое множество воинов для охраны каравана.

Только благодаря опытности и выдержке начальника гарнизона не случилось непоправимой беды: не открыли стрельбу по мирному племени. Матиуш сердечно поблагодарил офицера, наградив его орденом, и на следующий день рано утром караван тронулся в путь.

Путешествие было тяжелым. Немилосердно палило солнце. Белые открытыми ртами хватали воздух: с непривычки они задыхались. А посланцам африканского вождя хоть бы что.

Высоко на верблюде в паланкине сидел Матиуш, а два туземца обмахивали его большими опахалами из страусовых перьев. Караван медленно продвигался вперед. Проводник тревожно всматривался вдаль: не приближается ли самум. Бывали случаи, когда этот страшный ветер пустыни засыпал горячим песком целые караваны и все путники погибали.

Днем никто не разговаривал – не было сил, и лишь вечером, когда становилось прохладней, люди немного приходили в себя. Добрый доктор пичкал Матиуша какими-то порошками, но проку от них было мало. Хотя за плечами у Матиуша была война и много опасных приключений, путешествие по огнедышащей пустыне показалось ему тяжелей всего, что он испытал в жизни. От жары болела голова, потрескались губы, в горле пересохло и язык одеревенел. Он загорел и высох, как щепка. Глаза от ярко-белого песка стали красными и болели, кожа шелушилась и нестерпимо чесалась. По ночам Матиуша преследовали кошмары: то снилось ему, что людоеды едят его живьем, то будто жарят на костре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.